

Ю. А. МЫЦЫК

**ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ
УКРАИНСКОГО НАРОДА
1648—1654 гг.**

ДНЕПРОПЕТРОВСК 1985

Министерство высшего и среднего специального
образования СССР

Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет
имени 300-летия воссоединения Украины с Россией

Ю. А. МЫЦЫК

ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ
УКРАИНСКОГО НАРОДА
1648—1654 гг.

Утверждено редакционно-издательским советом
университета в качестве учебного пособия

Мыцык Ю. А. Записки иностранцев как источник по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.: Учебное пособие. — Днепропетровск: ДГУ, 1985. — 84 с.

В настоящем учебном пособии проанализирован широкий круг известных, а также обнаруженных автором в хранилищах СССР и ПНР сочинений иностранных хронистов и мемуаристов, газет, «летучих листов» середины XVII — начала XVIII в., которые являются ценными источниками по истории восточнославянских народов, и в первую очередь по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. При этом отмечаются характерные черты исторических концепций хронистов, выясняются источники их сообщений, степень достоверности последних, а также свидетельств прессы, приводятся важные факты межславянских связей и контактов в области исторической мысли между славянскими и другими народами.

Пособие предназначено для студентов, научных работников, преподавателей вузов исторических факультетов университетов и пединститутов.

Список лит. — 198 назв.

Рецензент — канд. ист. наук **С. Н. Плохий**

Под редакцией доктора ист. наук **Н. П. Ковальского**

ВВЕДЕНИЕ

Воссоединение Украины с Россией, торжественно провозглашенное 18(8) января 1654 г. на Переяславской Раде, явилось эпохальным событием в историческом развитии русского и украинского народов, «столь близких, — по классическому определению В. И. Ленина, — и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹. Как отмечал в докладе на торжественном собрании в Кіеве, посвященном 325-летию воссоединения Украины с Россией, Первый секретарь ЦК Компартии Украины тов. В. В. Щербицкий, воссоединение «многократно умножило экономический, политический и духовный потенциал братских народов, способствовало росту производительных сил единого государства»².

Воссоединение Украины с Россией, подготовленное многовековым развитием экономических, политических и культурных связей двух народов, стало возможным после победоносного завершения Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. В. И. Ленин писал: «В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения»³. Это ленинское положение полностью применимо и к Освободительной войне, которая ликвидировала на большей части украинских земель колониальное господство Речи Посполитой — «старой, варварской, феодальной, аристократической... покоящейся на закреплении большинства народа»⁴.

Освободительная война по праву считается одним из выдающихся событий европейской истории XVII в. Она резко изменила ситуацию в Восточной Европе и оказала серьезное влияние на международную обстановку в целом. Естественно, что события такого масштаба, как Освободительная война

украинского народа, воссоединение Украины с Россией, вызвали огромный международный резонанс, привлекли к себе внимание общественности различных стран. В результате появилось огромное количество разнообразных источников, часто объединяемых названием **записки иностранцев**, в которых освещалась история Освободительной войны украинского народа, воссоединения Украины с Россией. Часть этих источников издавна находится в поле зрения исследователей, однако еще большее их количество из различных архивохранилищ СССР и зарубежных стран не введено в научный оборот. Серьезным препятствием этому является труднодоступность записок, языковой барьер, специфический состав памятников и характер их информации, требующие особой методики их анализа. Недостаточное внимание к вопросам изучения и публикации записок иностранцев, потребительское и некритическое использование свидетельств памятников, созданных преимущественно в лагере, враждебном Освободительной войне, тормозят успешное разрешение ряда важнейших проблем отечественной истории. Между тем существование «белых пятен» используется буржуазными и буржуазно-националистическими авторами, фальсифицирующими историю Освободительной войны, воссоединения Украины с Россией, русско-украинских связей и межславянских связей в целом. Ликвидация этих «белых пятен», успешная борьба против фальсификаторов отечественной истории невозможны без совершенствования теории и методики исторических исследований, и в первую очередь исторического источниковедения, без привлечения в ходе исследования **«всей совокупности** относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, **без единого исключения»**⁵.

Поскольку записки иностранцев занимают весьма важное место в системе источников по истории Освободительной войны, то проведение специального и комплексного исследования способствовало бы разрешению некоторых важных ее вопросов. Это тем более необходимо в связи со значительной активизацией источниковедческих исследований в советской исторической науке, с ростом внимания советских ученых к запискам иностранцев как к важному источнику по отечественной истории. Особенно большую работу в этом направлении проводит сектор истории древнейших государств на территории СССР Института истории АН СССР, возглавляющийся видным советским ученым В. Т. Пашуто (1918—1983).

Основные исследования по данной проблематике были отмечены нами в одной из предыдущих работ⁶.

В настоящем пособии предпринята попытка решить следующие главные задачи:

1. Рассмотреть наиболее важные записки иностранцев XVII в., содержащие сведения об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг., особое внимание уделив памятникам, еще не вводившимся в научный оборот, охарактеризовать историю их создания.

2. Проследить исторические взгляды и политические воззрения авторов записок, отметить характерные черты их концепций, их отношение к Освободительной войне.

3. Установить источники записок иностранцев, определить наиболее важные и оригинальные известия памятников.

Разрешение вышеуказанных задач позволит определить степень достоверности сообщаемой в записках иностранцев информации, соответствие ее реальной действительности, определить значение того или иного памятника в целом как источника по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Достижение этой цели серьезно усложняется не только тем, что таким видам нарративных источников, как публицистические материалы, включая «летучие листки» (прообраз современных газет), мемуары, летописи и хроники, присущ значительный субъективизм, но прежде всего и тем, что их создатели обычно являлись представителями господствующего класса феодалов. Многие из них принимали непосредственное участие в карательных акциях магнатско-шляхетской Речи Посполитой, направленных на подавление антифеодальной и освободительной борьбы народных масс Украины. Определение достоверности информации, заключаемой в памятниках такого рода, требует комплексного их изучения, сопоставления с показаниями источников различных родов, видов и разновидностей, особенно тех, которые были созданы в повстанческом лагере.

Выполняя эту задачу, автор исходил из выводов и положений, содержащихся в трудах классиков марксизма-ленинизма, особенно тех, в которых разрабатывался диалектический метод познания общественных явлений, определялись принципы классового, партийного подхода к изучению исторического прошлого, принцип историзма, из выработанной на базе марксистско-ленинской методологии советской исторической наукой теории и методики изучения исторических источников, в том числе и записок иностранцев.

В связи с небольшим объемом пособия за его пределами оставлены многие немецкоязычные источники, рассмотренные нами в ряде предыдущих работ⁷, а также источники, исследованные другими советскими историками. Это касается прежде всего памятников, созданных М. Бизаччиони, Ю. Крижаничем, Линаж де Восьеном, А. В. Кояловичем, И. Пасторием, а также известий иностранцев по истории русско-украинских политических связей периода Освободительной войны, воссоединения Украины с Россией, рассмотренных Н. Ф. Кучернюком⁸. За пределами пособия остался также огромный комплекс писем и реляций, созданных участниками и современниками Освободительной войны, «Вести-Куранты», дневники, в том числе известные сочинения Павла Алеппского, А. Мяковского, А. С. Радзивилла, Ст. Освенцима. Ряд памятников, в первую очередь мемуары Н. Ганновера, И. Ерлича, Меера из Щебрешина, И. Юзефовича (Иосифовича), хроники Я. Лобжинского, Ст. Кобежицкого и некоторые другие, требуют особого рассмотрения.

Данное учебное пособие состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. Источники рассматриваются здесь в соответствии с их классификацией по видам, то есть по таким «исторически сложившимся комплексам письменных источников, для которых характерны сходные принципы их структуры, их внутренней формы»⁹.

Следует также отметить, что в связи с ограниченным объемом настоящего пособия многие выводы будут изложены в тезисной форме, без подробного обоснования.

ГЛАВА I

«ЛЕТУЧИЕ ЛИСТКИ» И ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В странах Европы XVI—XVII вв. огромной популярностью пользовались печатные листовки и брошюры, которые явились предшественниками современной прессы. Эти издания, обычно называемые «летучими листками», продолжали традицию рукописных «известий», «новин», «курантов» и др. Последние заключали в себе лаконичную информацию, чаще всего политического характера, основывающуюся на официальных сообщениях, письмах, слухах и т. д. В XVI—XVII вв. рукописные и печатные «летучие листки» сосуществовали друг с другом, но последние по мере развития типографского дела возобладали и в XVII в. почти полностью вытеснили рукопис-

ные газеты. Следует отметить, что в XVII в. среди типичных «летучих листов» резко возрастает удельный вес печатных брошюр, в которых помещались развернутые литературно-публицистические произведения. Особенно это было характерно для Польши середины XVII в., когда события Освободительной войны вызвали к жизни массу публицистических произведений¹. Многие из этих печатных произведений (всего 42 памятника) были подробнейшим образом охарактеризованы классиком украинской литературы, историком Иваном Франко². Оставив в стороне эти памятники, а также немецкоязычные «летучие листки», изученные нами в предшествующих работах, обратимся к иным источникам данной категории.

Прежде всего необходимо указать на печатные листовки, хранящиеся в библиотеке ПАН в Гданьске: «Видный казак Кривонос» и «Атаман Кривоноса Полторакожуха»³. Эти листовки были созданы не позднее ноября 1648 г. и отпечатаны в типографии Л. Купиша (Краков). Они содержат в себе уникальные портретные изображения двух сподвижников Б. Хмельницкого — полковников Максима Кривоноса и Полторакожуха. Правда, портрет Кривоноса не лишен черт карикатуры. Стихотворные подписи под портретами представляют собой пасквиль на вождей восстания, хотя и здесь можно обнаружить некоторые важные факты, освещающие крайне малоизвестные биографии полковников. Так, говорится, что М. Кривонос «вырос на Украине (здесь имеется в виду Поднепровье. — Ю. М.), осел в Подолье». Полторакожуха, по свидетельству листовки, родился в селе Глисно, его родители были некие Федор и Параска из Переяслава. Интересны вынужденные «признания врага», поставившего Кривоноса в один ряд с видными представителями казачества, вождями крестьянско-казацких восстаний XVI — первой половины XVII в.: «Иваном Голубком, Подковой, Плахтой, Сагайдачным., Спилем, Капустой...», а также И. Сулимой и П. Павлюком. Отметим, что автор употреблял иногда украинские слова, например «гуня», «кучма».

В 1648—1649 гг. была создана «Казацкая дума»* неизвестного автора, в которой Освободительная война представлена как дикий мятеж «безрассудной черни», «скорой на расправу со своими господами», жаждущей крови и добычи. В этом

---

* Не путать с одноименным произведением 1651 г., опубликованным П. Зволинским: З в о л и н с к и й П. Неизвестное первое издание «Думы казацкой» 1651 г. — Тр. отдела древнерусской литературы. М., 1958, т. 14, с. 335—340.

«летучем листке» находим интересные сведения о действиях повстанческих отрядов под Олыкой, Львовом, Люблином, позволяющие наглядно представить размах антифеодальной борьбы, охватившей не только Украину, но и Белоруссию, Литву и даже собственно Польшу:

«Из Покутья, из Подляшья
Убегала шляхта наша.

В Руси Белой, даже в Литве
Убегала с поля битвы»⁴.

Можно привести подобные известия и из других «летучих листков». Например, по свидетельству автора «Небесного фавора» (П. Рушеля — ?), украинские и белорусские крестьяне восставали против своих господ везде, «где только есть эта схизматическая секта» (т. е. православная вера. — Ю. М.)⁵.

Необходимо особо выделить брошюру «Шляхтич к шляхтичу о казацкой войне» (1649 г.). Ее автор стремился к глубокому анализу причин Освободительной войны, и, что очень важно, его выводы являются весьма дальновидными. Автор отмечает тяжелое положение трудящихся масс, их бесправие: «у хлопов нет вольностей, у городов их немного», зато «у шляхтичей их предостаточно». Вот почему, полагал автор, шляхтичи «делают что хотят с более слабыми (сословиями. — Ю. М.), вот почему «у шляхтича нет сочувствия к бедному мужичку, и он относится к нему, как к паршивой собаке». Если же учесть и факт ущемления казаков «в их давних вольностях», в их «православной вере» и другие факторы, например «тиранию» по отношению к лютеранству, то становится ясно, по мысли автора, почему «наварили ляхам горького пива». Это сообщение показывает также, что автор был знаком с известной украинской «Думой о Корсунской победе 1648 г.», которая представлена в виде аллегорической картины казацкого «пивоварения с помощью Хмеля» (Б. Хмельницкого). Важным является и упоминание автора о том, что к повстанцам «хлопы наши... примыкали, даже и мазуры что-то замышляли»⁶. Как видим, автор памятника, хотя и был польским шляхтичем, сумел трезво оценить происходящие события и дать им оценку с довольно прогрессивных для своего времени позиций. Однако такие голоса в публицистике Речи Посполитой середины XVII в. были исключением. Подавляющее большинство представителей господствующего класса соглашались в лучшем случае лишь на незна-

чительные уступки украинской православной шляхте, церковным верхам и казацкой старшине.

Типичный же для польско-шляхетской историографии взгляд на Освободительную войну был изложен ксендзом Войцехом Цецишевским. Эта война изображалась им прежде всего как восстание «хлопов-схизматиков» против своих католических господ, произошедшее по воле бога, так как бог карает Речь Посполитую за грехи. Когда же грехи будут искуплены, бог усмирит восстание «хлопов» и наступит новый «золотой покой». Об этом говорил В. Цецишевский в речи, произнесенной в 1649 г. во Львове перед Яном Казимиром, польским королем, правившим в 1648—1668 гг.⁷ Выступая перед королем, вернувшимся из неудачного похода, Цецишевский пытался смягчить тяжелое впечатление, произведенное на правящие круги Речи Посполитой Зборовским поражением, и называл его, вопреки очевидным фактам, победой. Понимая шаткость своего тезиса, он пытался подкрепить его результатами сравнения Хотинской войны 1621 г. со Зборовской битвой. Автор пришел к выводу, что под Зборовом королевской армии пришлось решать несравненно более трудную задачу. Так, по его словам, «под Хотином воевали с неприятелем, а здесь (под Зборовом. — Ю. М.) — с собственными крестьянами. Эта победа более славна, так как легче прогнать влетевшую муху, чем избавиться от домашней моли»⁸. Отметим также, что в данной реляции, как и в речи Цецишевского на первой сессии сейма 1652 г.⁹, почти не содержится конкретных фактов по истории Освободительной войны.

Большой плодovitостью в создании «летучих листков», очерняющих антифеодальную и освободительную борьбу украинского народа, отличался польский шляхетский поэт, королевский секретарь Ян Бялобоцкий. Наиболее известным его произведением явилась брошюра «Факел воинской славы князя Вишневецкого», написанная в 1648 г. и изданная годом позже¹⁰. Она представляет собой панегирик князю Яреме Вишневецкому — палачу украинского народа, восхваляет его «подвиги» в деле усмирения повстанцев. В то же время здесь приводится немало достоверных фактов, касающихся хода военных действий на Правобережной и Западной Украине, связанных с боями отступающих карательных войск князя. Так, Бялобоцкий вынужден признать, что после разгрома под Корсунем сумел избежать смерти или плена лишь один солдат Речи Посполитой. При описании битвы под Константиновым автор отметил, что на второй ее день, во вторник, были пленены «несколько сотников из старшины; был взят

живьем и (полковник) Полуян». Только в летописных заметках 1646—1653 гг., внесенных на страницы польской рукописи середины XVII в., находим сходные сведения¹¹. Из брошюр, напечатанных в начальный период Освободительной войны, можно также отметить два «летучих листка», сообщавших о смерти Владислава IV и избрании нового короля Речи Посполитой Яна Казимира. Автором первой из них был шляхтич Петрковчик¹², второй — итальянец Гаспар Висконти¹³. Небезынтересны также брошюры: «Новая песнь о славном Хмельницком», «Дискурс одного патриота нашей отчизны»¹⁴, «Оборона Великого княжества Литовского» (1648 г.)¹⁵, а также довольно пространный латиноязычный брошюра Яна Бытомского «Осада Замостья» (Замостье, 1649 г.)¹⁶.

Немало польско-шляхетских публицистов откликнулись на победу карательных войск над повстанцами под Берестечко (30.VI 1651 г.), но напечатаны были лишь отдельные их произведения. Следует отметить официальную реляцию о битве¹⁷, в которой значительно преувеличивались потери казако-крестьянского войска. Реляция была создана очень быстро (12.VII 1651 г.), отпечатана по-латыни большим тиражом и разослана по всем европейским странам. Под влиянием этого «летучего листка» только в Италии в 1651 г. появилось несколько брошюр: «Достоверная реляция» Эредиа дель Гриньяни (Рим, типография Грегорио Тиберия)¹⁸, два варианта брошюры Доменико Маккарано (Неаполь, типография Франческо ди Томмази)¹⁹ — все на итальянском языке — и одна латиноязычная брошюра Франческо Кавалли²⁰. Менее официальный характер носит польский «летучий листок» под названием «Песнь о битве с татарами и казаками под Берестечком 30 июня 1651 г.»²¹. Здесь вкратце излагался ход битвы, отмечалось мужество осажденных повстанцев, перечислялись трофеи, взятые карателями, в том числе и «договоры казаков с татарами», королевские письма, послание к Б. Хмельницкому константинопольского патриарха. Наименее интересным является «летучий листок», содержащий в себе поэму Томаша Александра Кротошинского «Польская погода» (Гданьск, 1651 г., типография А. Хюнефельда).

Внимание издателей привлекали и иные сюжеты. Так, была издана листовка, в которой рассказывалось о «видении» на небесах 9.VI 1654 г., якобы предвещающем несчастья для Речи Посполитой²². Вслед за ней из печати вышла брошюра, в которой на основании донесения из литовского лагеря от 12.VIII 1654 г. сообщалось о выступлении в поход русских

войск во главе с царем Алексеем Михайловичем и о крупной битве с литовско-шляхетскими войсками под Шкловом²³.

Наибольший интерес вызывает брошюра «Посмертный подарок на память Богдану Хмельницкому»²⁴, опубликованная на латинском языке без указания места и времени издания. Автор этого произведения, вероятно польский шляхтич, вызывает знакомство с древнегреческой и древнеримской мифологией, неоднократно ссылается на труды античных авторов (Плутарх, Ксенофонт, Тит Ливий, Помпей Трог), а также на итальянского хрониста XVI в. Ц. Барония. Несомненно, что сочинение было написано в подражание Титу Ливию. Неизвестный автор называет Б. Хмельницкого любимцем Марса, Венеры и Бахуса и подробно рассказывает о битвах, в которых гетман принимал непосредственное участие. Отношение автора к предводителю Освободительной войны противоречиво: с одной стороны, он сравнивает Хмельницкого с Ганнибалом, а выигранную им Корсунскую битву — со сражением у р. Требия; Батожскую битву автор связывает со знаменитыми Каннами; с другой стороны, Хмельницкий сравнивается с жестоким завоевателем Аттилой. Являясь талантливым литературным произведением, брошюра содержит лишь отдельные оригинальные известия (о строительстве Б. Хмельницким монастыря в Субботове, о женитьбе старшего сына гетмана Тимоша на дочери молдавского господаря Василия Лупула Домне — Роксанде и некоторые другие).

Наряду с печатными «летучими листками» в большом количестве создавались и рукописные. Появилось множество литературно-публицистических памятников. Довольно типичным является обнаруженный нами рукописный «Лямент над отчизной» (1657 г.), посвященный умершему королю Владиславу IV²⁵. Он представляет собой по сути стихотворный панегирик покойному королю, в котором бегло освещались основные события периода Освободительной войны, рассматриваемой автором как «Божья кара» за грехи шляхты. Лишь некоторые сообщения памятника могут представлять определенный интерес (о распрах между военачальниками карательных сил Речи Посполитой, о гибели польного гетмана М. Калиновского под Батогом). В иной рукописи нами была обнаружена еще одна сатира на князя Доминика Острожского-Заславского, которого подавляющее большинство польско-шляхетских публицистов считало главным виновником поражения под Пилявцами (1648 г.)²⁶.

Все рукописные литературно-публицистические произведения здесь не представляется возможным охарактеризовать.

Поэтому остановимся лишь на наиболее важных источниках — публицистических трактатах. Прежде всего следует указать на анонимную «Сентенцию об успокоении Войска Запорожского одного польского шляхтича»²⁷. Данный памятник был создан не ранее октября 1648 г. и не позднее июля 1649 г. Его автор принадлежал к умеренному крылу правящих кругов Речи Посполитой, возглавляемому коронным канцлером Ежи Оссолинским. Последний стремился к заключению мира с администрацией Б. Хмельницкого на компромиссных условиях, соглашался пойти на уступки казацкой старшине. Это привело бы, по мнению Оссолинского, в конечном итоге к прекращению Освободительной войны и обращению всех сил повстанцев против Османской империи и Крымского ханства, Политическое кредо автора, его отличная осведомленность в дипломатических вопросах, прежде всего в области отношений Речи Посполитой с казачеством, глубокая образованность, своеобразный стиль повествования, в частности чрезмерное уснащение речи латинскими словами, позволяют сделать предположение о том, что «Сентенция» была создана А. Киселем. Об этом может свидетельствовать и анонимный ответ на «Сентенцию», о котором речь пойдет ниже, обвинивший ее в «русинском» духе.

«Сентенция» представляет собой публицистический трактат, построенный по всем правилам ораторского искусства. Она начинается с краткого описания истории казачества, его борьбы против Османской империи и Крымского ханства. Автор подчеркивает необходимость использования запорожцев в борьбе против турецко-татарской агрессии «на суше и на море». Здесь же он подвергает критике планы крайне реакционных группировок правящих кругов Польши, которые требовали искоренения казачества. Он указывает, что вместе с «плевелами» будет выброшена и «пшеница», что разоренные казацкие поселения будут захвачены татарами, которые не прекратят своих нападений на владения Речи Посполитой. К тому же этот план нереален, так как «чем жестче поступали с казаками, тем сильнее они протестовали». Пытаясь найти необходимое средство для прекращения восстания на Украине, автор указывает на четыре основные его причины: 1) запрет казакам «поля и моря», т. е. запрет походов против Турции и Крыма; 2) произвол польских властей по отношению к казачеству; 3) запрет казакам избирать из своей среды гетманов и старшину; 4) «дурное управление».

Конечно, истинные причины Освободительной войны ко-

ренились значительно глубже, однако в своей попытке установить их проявилась трезвость мышления автора. По всей вероятности, он черпал свои умозаключения и из посланий Б. Хмельницкого и его сторонников польскому королю Владиславу IV и сенаторам, в которых был охарактеризован режим тяжелого социального, национального и религиозного гнета Речи Посполитой на украинских землях²⁸.

Далее в «Сентенции» подробно излагались ошибки правящих кругов феодальной Польши по отношению к казачеству согласно указанным 4 пунктам и приводилась программа их исправления. При этом автор приводил сведения, проливающие свет на некоторые обстоятельства крестьянско-казацких восстаний конца XVI—первой половины XVII в., на предысторию Освободительной войны. Так, И. Подкову и С. Наливайко автор рассматривает как предшественников Б. Хмельницкого. Поводом крестьянско-казацких восстаний 1637 — 1638 гг. он считает отнятие неким подстаростой «азовской» добычи у одного казака «...из-за одной бочки фантов (побрякушек, одежды. — Ю. М.) пролилось 100 бочек шляхетской крови». Автор подчеркивает, что казаков невозможно переселить в другие края, невозможно и воспрепятствовать их проходу в низовья Днепра, и делает вывод о необходимости убирать из Сечи правительственных урядников, отказаться от вмешательства в дела Сечи, если казаки «убьют или утопят» какого-либо гетмана. Если все это будет исполнено, то казаки разорвут свой «вредный союз» с татарами и выступят против последних. Далее автор анализирует внешнеполитические аспекты возвращения казакам их «давних вольностей». Он отмечает неэффективность жестоких мер, направленных на пресечение морских экспедиций казачества, тем более, что в описываемый момент Кодак находился в их руках и путь на Черное море был открыт. Строгое выполнение Речью Посполитой условий мирных соглашений с Турцией не обезопасило ее рубежи от татарских набегов. Не лучше ли отказаться от такой политики? Вместо борьбы против восстаний казаков и укрепления Кодака расположить кварцянское войско на Кучманском шляху, начиная от Брацлава, для обороны от татар? Казаки же будут контролировать иной путь агрессии татар — Черный шлях. Если же Турция начнет войну, то она явится меньшим злом, поскольку будет разорван казацко-татарский союз; война будет протекать за пределами Речи Посполитой. Наконец, «лучше воевать с равными (польскому королю) монархами, чем с собственными хлопами.., лучше воевать за

покорение чужого государства, чем своего, да за казацкие «сермяги», лучше умереть в войне против «неверных», чем от руки «хлопа».

«Сентенция» завершается кратким выводом, согласно которому прекращение восстания на Украине может наступить при выполнении указанных мер. Следовательно, «пусть казаки как были, так и будут, где ходили, пусть там ходят, что делали, пусть то и делают.., а из данных им сел сами пусть себе платят». Таким образом, «Сентенция» представляет собой памятник, в котором с наибольшей полнотой отразилась программа прекращения Освободительной войны дипломатическим путем, разделяемая представителями умеренного крыла правящего класса магнатско-шляхетской Речи Посполитой. Поскольку о каких-либо изменениях в положении крестьянства, городских низов в трактате умалчивается, ясно, что его автор был сторонником сохранения колониального режима Речи Посполитой на украинских землях. Определенные выгоды получила бы лишь казацкая старшина. Ясно, что такой путь был отвергнут широкими народными массами Украины. Вместе с тем нельзя не признать определенной дальновидности автора «Сентенции». Изложенная им программа выгодно отличалась от реакционнейших воззрений князя Вишневецкого и его сторонников, «огнем и мечом» опустошавших украинские и белорусские земли, потоплявших в крови антифеодальную и освободительную борьбу народных масс и теоретически «обосновавших» свою правоту в ряде публицистических произведений.

Следует отметить, что взгляды, высказанные в «Сентенции», находили отражение и в иных памятниках. Второе рождение обретают некоторые произведения прогрессивных мыслителей Украины, Белоруссии, Польши конца XVI — XVII в. Не случайно в середине XVII в. продолжает распространяться политический трактат «Мнение о русинском народе» (1610 г.) крупнейшего политического и культурного деятеля Речи Посполитой Яна Щенсного-Гербурта (1567—1616). В нем резко критиковалась уния, экспансионистская политика польского правительства, сводившаяся к тому, чтобы «на Руси не было Руси». Я. Гербурт резко осуждал «притеснение руси», раздувание феодально-католической реакцией вражды между славянскими народами, вследствие чего «русины» «стали главными нам неприятелями <...>. Теперь они скорее погибнут на войне, сожгут своих жен и детей.., чем вступят с нами в согласие». В заключение своего труда Гербурт доказывал неминуемый крах колониальной политики феодально-католической

реакции по отношению к украинскому и белорусскому народам: хотящие того, чтобы «на Руси не было Руси, хотят невозможного... Это невозможно, как невозможно и то, чтобы здесь возле Самбора было море, а Бескиды были около Гданьска»²⁹.

Надо ли говорить, что идеи, высказанные Гербуртом, полностью сохраняли свою актуальность и в середине XVII в., о чем свидетельствуют обнаруженные нами списки и редакции памятника³⁰. Одна из них была создана неизвестным автором в 1655 г. Копируя трактат и разделяя, вероятно, взгляды Гербурта, он решил сделать вставку об Освободительной войне. Упомянув о вражде «русинов» по отношению к польским феодалам, следствием чего был ряд неудач Речи Посполитой, Гербурт ссылаясь на исторический пример: провал молдавского похода Стефана Потоцкого в 1612 г. Неизвестный же редактор вместо данного сообщения упоминает о поражении иного Стефана Потоцкого — сына коронного гетмана великого под Желтыми Водами, и окончание трактата приобретает следующий вид: «Не это ли способствовало поражению Потоцкого при Желтых Водах, (привело) к разгрому коронных войск под Корсунем, взятию обоих гетманов в бусурманскую неволю? (Я имею в виду) Николая Потоцкого, каштеляна краковского и Мартина Калиновского, воеводу черниговского; первый был великим, а второй — польным гетманами коронными. (Не это ли способствовало) бегству коронного войска под Пилявцами, осаде войска под Збаражем, кровавому делу под Зборовом, под Берестечком; разгрому коронного войска под Батогом?»³¹.

Более типичные для правящего класса Речи Посполитой взгляды были высказаны палачом украинского народа, князем Я. Вишневецким и его единомышленниками. Рассмотренной выше «Сентенции» они противопоставили «**Ответ на эту сентенцию о успокоении Войска Запорожского. 1649 г.**»³². Неизвестный автор «Ответа» выказывает солидную образованность, цитирует Вергилия, Цицерона и особенно Марка Аврелия. Был он знаком и с современной польской публицистикой, о чем говорят ссылки на поэмы «Труба» (1648 г.) Дахновского, «Сатир» (1640 г.) С. Твардовского, сатиры некоего Жоравского. Правда, в литературном отношении «Ответ» стоит ниже «Сентенции». Не столь четкой является композиция этого произведения, слишком растянуто введение к нему, постулаты оппонента критикуются несколько сумбурно и грубо, иногда при помощи подтасовки фактов. Так, одну из причин крестьянско-казацкого восстания 1637—1638 гг. автор

«Сентенции» усматривал в вышеупомянутом факте конфискации азовской добычи. И хотя взятие Азова донскими и запорожскими казаками произошло в 1637 г. и действительно предшествовало восстанию, автор «Ответа» пытался представить дело так, будто речь шла об обороне Азова в 1641 г. В поиски причин Освободительной войны автор «Ответа» не склонен углубляться, а в своих кратких высказываниях об этом делает явный шаг назад. Так, причину крестьянско-казацкого восстания 1637—1638 гг. автор усматривал лишь в «злой воле Павлюка». Пожалуй, лишь в одном отношении автор «Ответа» берет верх над создателем «Сентенции». В его трактате содержится большее количество оригинальных известий. В начальной части «Ответа» автор резко обрушивается на тех, кто родился в 1630 г. и позднее, кто «едва побывал в школах, уже женился и тут же приступил к умножению рода». Эти люди, по словам автора, «забыли историю своих предков, бросились от оружия к винным кубкам, от меча к словопрениям, от копья (?) — к искусству», они не знают, что такое служба в Венгрии, вылазка в «Дикое поле», стража на Кодаке, холод, непогода, скудная походная пища. К этим изнеженным людям, якобы отличающимся незрелостью мысли, некомпетентностью в военном деле, автор трактата относит и создателя «Сентенции». Здесь содержится прозрачный намек на канцлера Оссолинского, которого политические противники часто обвиняли в неискушенности в военных делах.

Далее автор «Ответа» обвиняет своего оппонента в излишнем доверии к казакам, которые, по его словам, нарушили перемирие летом 1648 г. и взяли Тульчин (Нестервар), Винницу, Брацлав, Переяслав, Новгород (Северский—?), Погребища, Полонное и Константинов, нарушили свои обещания и захватили Чернигов и Стародуб. Он отстаивает нелепый союз Речи Посполитой с Османской империей, указывая, что вследствие нападений донцов и запорожцев на «города и замки азиатские» в Турции может вспыхнуть польско-турецкая война. Эта война Польше не нужна, доказывает автор «Ответа», ссылаясь на неудачный поход на Балканы польско-венгерского короля Владислава Варненчика в 1444 г., но умалчивая о победной Хотинской войне 1621 г. Автор пугал польских феодалов и ростом зависимости Речи Посполитой от Австрии и тем, что европейские государства вряд ли окажут помощь Польше, как не оказывали ее Венеции в недавней войне против Османской империи.

Наибольший интерес вызывают рассуждения автора о невозможности заключения мира с повстанцами и предостав-

ления казакам «давних вольностей». Здесь обосновывался будущий рост военного потенциала казачества, в случае если ему будут даны Кременчуг, Кишенка, Черкассы, Чигирин и другие города — от Черкасс и далее по Днепру «до Запорожья»; упоминаются некоторые малоизвестные категории казачества и беглых крестьян. Если 6 тыс. реестровцев, отмечает автор, создали столь крупное войско, то чего же ожидать от 30 тыс. реестровцев? К этим 30 тыс. примкнет такое же количество «постоев, то есть проживающих у них; примешаются из влости и те, которые чиншей и иных податей не захотят платить, гультаи под видом балакшеев, капканников и болоховцев*»; проберутся к тем: из влости их же братья, сватья, кумовья... и так смогут иметь 100 тыс. войска... Из этих же постоев и гультаев... лишь по золотому в год возьмет запорожский гетман, и на эти деньги он сможет получить 10 тыс. татар. Хмельницкий, ничего не давая (татарам), привел их в наш тыл, а если же он пошлет (татарам) несколько десятков тысяч (злотых), то легко возьмет к себе на помощь всю орду. При такой их силе кто же им сумеет противостоять!»

Возражая тезису «Сентенции» о предпочтительности войны против Турции войне против восставших масс трудящихся, автор «Ответа» выдвигал свою точку зрения: «Электор бранденбургский падает (в ноги) его королевской милости и Речи Посполитой, прося о назначении, а какой-нибудь хлоп сможет, когда захочет, убить или утопить гетмана, поставленного Речью Посполитой... Украсит ли это отчизну?». Здесь и в завершающей части трактата классовые позиции автора проявляются со всей очевидностью. «Ответ» дышит ненавистью к повстанцам, которые характеризуются лишь как «плебс», «многоглавый монстр войны», в полном соответствии с официальной фразеологией.

Автор призывает заключить мир с турками и поднять сабли против повстанцев. В случае успеха коронных войск автор соглашается сохранить лишь небольшую часть казачества для обороны Речи Посполитой от турецко-татарских набегов, но чтобы они не помышляли о выступлении против феодальной Польши. Завершается трактат циничным выводом: «Хо-

* Термин «болоховцы» зафиксирован еще в Галицко-Волынской летописи. По мнению И. П. Крипякевича, «когда в 1230—1250 гг. на Подолье возникло народное антифеодальное движение, население почти всех поселений», расположенных между Случью и Верхним Бугом, в первую очередь Болохово, Полонное и др., «приняло в нем участие» (Крипякевич И. П. Галицько-Волинське князівство. — К.: Наук. думка, 1984, с. 25—26). Как видим, данный термин продолжал существовать и в XVII в.

рошо иметь хлопа в услужении (пану) и (лишь) как овцу стричь его, не обдирая шкуру».

Таким образом, рассмотренный публицистический трактат весьма полно отразил взгляды феодально-католической реакции в Польше. Еще более реакционные воззрения были изложены в ином трактате, носящем название «**Дискурс о нынешней казацкой или хлопской войне**»³³. Трактат «Дискурс» (рассуждение) был создан вскоре после Берестецкой битвы и смерти князя Вишневецкого, последовавшей 20.VIII 1651 г., так как о последнем говорится как об умершем. Раскрыть имя автора пока не представляется возможным. Судя по некоторым его замечаниям, автор «Дискурса» долгое время проживал на Украине, в частности в Киеве, о котором высоко отзывается как о «втором Константинополе». Автор принадлежал к открытым сторонникам Вишневецкого, раточал последнему похвалы, одобрительно высказался о планах войны против повстанцев, изложенных князем в письме к Киселю³⁴.

Неизвестный автор был весьма образованным человеком, глубоко интересовался историей. В трактате содержатся ссылки на античных авторов (Демокрита, Плавта), сочинения польских хронистов XVI—XVII вв., скорее всего М. Стрыйковского или А. Гваньини. Были использованы также послания киевского православного духовенства, «реестр кривд», направленный восставшими казаками в мае 1648 г. к Владиславу IV, показания пленных повстанцев.

Автор «Дискурса» пытался установить причины Освободительной войны и изыскать наиболее эффективные меры борьбы против восставшего народа. В отличие от своих многочисленных предшественников он предпринял весьма обстоятельный экскурс в далекое прошлое, в историю древнерусско-польских и украинско-польских отношений. Ясно, что вследствие классовых позиций автора, его принадлежности к крайне реакционной части правящего класса Речи Посполитой этот анализ оказался весьма субъективным и тенденциозным. Он показывает, что автор «Дискурса» вместе с некоторыми другими шляхетскими писателями-публицистами стоял у истоков реакционнейшей теории дворянской и буржуазно-националистической историографии о якобы извечной вражде восточнославянских и польского народов. Тезис об «извечной вражде» стал фундаментом исторических построений автора «Дискурса». Умалчивая о колониальном режиме, установленном правящими кругами Речи Посполитой на захваченных ею украинских и белорусских землях, автор объ-

ясняет при помощи данного тезиса то положение, которое сложилось в конце XVI — первой половине XVII в., когда «желала бы русь (говорю о хлопстве...), ...турку или иному тирану (отдаться), чем жить в мире и блаженстве с Речью Посполитой». Резкое обострение антагонизма между феодалами Речи Посполитой и трудящимися массами Украины и Белоруссии проявилось после введения унии и потопления в крови крестьянско-казацких восстаний. Так, в одном письме, написанном польским агентом из Турции около 1621 г., говорилось: «Русь нам такой враг, что хоть мы их и допустили к польским вольностям, но желали бы они 1000 лет жить с евреями, турками и татарами, чем один год с нами»³⁵.

Автор «Дискурса» рассмотрел в своем трактате и вопрос о причинах, породивших эту вражду. Он достаточно подробно рассказывает о принятии христианства Владимиром Святославовичем, но в соответствии со взглядами католических богословов и полемистов (Ц. Бароний, П. Скарга и др.) развивает тезис о подчиненности православной церкви католической. В дальнейшем, по словам автора, Русь впала в «схизму», и потому «наиглавнейшей причиной нынешней войны и ежедневных бунтов является схизма или отступничество руси». Отсюда автор выводит и иные причины, вызвавшие «Освободительную войну. Прежде всего он пытается доказать отсталость восточных славян, обвиняет их в том, что они якобы не знали «издавна наук или же эти науки были весьма незначительными: лишь в чтении и писании русизны».

С особой ненавистью автор «Дискурса» обрушивается на трудящиеся массы, от которых «проистекают все бунты и ревеллии», и обвиняет их во всех смертных грехах. Особенно достается рядовому православному духовенству и монахам, которые, по словам автора «Дискурса», «просты, грубы, неучи; хлопы от поля и плуга». Акцентируя внимание на «отсталости» Руси, автор выводит отсюда причину упадка православия и укрепления католицизма на украинских и белорусских землях. Попы же и монахи не могут этого стерпеть и смириться с тем, что православия придерживаются лишь трудящиеся массы да небольшая часть шляхты и потому побуждают крестьян к восстанию. При этом автор совершенно умалчивает о монголо-татарском нашествии, о захвате древнерусских земель Литвой и Польшей, о насильственном насаждении католицизма и унии на украинских и белорусских землях, об экспансии Ватикана, о дискриминации православных, не говоря уже о всей системе колониального гнета, ус-

тановленного на этих восточнославянских землях магнатско-шляхетской Речью Посполитой.

Ненависть православного духовенства к феодально-католическим верхам автор объясняет на сей раз уже с определенными основаниями и тем, что оно было лишено права заседать в сенате, права голоса на сеймиках и т. д. Пытаясь добиться равноправного положения с католическим духовенством, «попы, отщепенцы владыки, монахи» побуждают казаков к восстанию. Автор критически высказывается о некоторой либерализации курса Речи Посполитой по отношению к православной верхушке (при Владиславе IV и канцлере Оссолинском). Он прибегает и к прямой фальсификации, отмечая, что «схизматикам было позволено даже слишком (многое)», что им раздавались «церкви, владычества, принадлежавшие католическим владыкам». На самом же деле Владислав IV возвратил лишь небольшую часть владений, принадлежавших ранее православной церкви и отнятых униатским и католическим духовенством после 1596 г.

Третью, и добавим небезосновательную, причину автор усматривал в переселении на Украину польской шляхты, занятии ею «городов и сел, сенаторских и трибунальских кресел в русинских поветах».

Лишь при определении четвертой причины Освободительной войны автор становится весьма откровенным, и его «признания врага» имеют большую ценность в борьбе против идеализации старой Речи Посполитой, которая имеет место и сегодня в писаниях буржуазных авторов: «(мы) должны признать и то, что огромную ненависть укрепляли и ширили большие подати, излишние поборы и работы, частые поволовщицны, аренды, монополии, роговое, копытовое, весовое и тому подобные отягощения, которые придумывали паны урядники, арендаторы, судейские крючки, экономы, желавшие увеличить доходы своих господ и тем самым заслужить их милости и расположение. Это доказывается сейчас со всей очевидностью (тем), что хлопы убивали... собственных панов..., мстя им за кривды, попрание достоинства и обиды, которые от них и от их урядников терпели... Спросим у самих казаков, что побудило их на эту своевольную отвагу, отчаянность и бешенство? Думаю, что все (они) составят большой реестр кривд, несправедливых податей и обид, которые терпели от своих панов комиссаров и иных вельможных державцев».

Изложив свой взгляд на причины Освободительной войны, автор «Дискурса» упрекает казаков в том, что они посме-

ли восстать, а не попробовали иных, мирных способов восстановления справедливости. Вновь вернувшись к «схизме» как главной, по его мнению, причине Освободительной войны, безосновательно возложив **основную** «вину» на православное духовенство как ее вдохновителя, автор обращается еще к одному злободневному вопросу: заключать ли мир с повстанцами или же нещадно подавить восстание. Здесь недвусмысленно предлагался второй путь. При этом автор трактата руководствовался «мудростью» своего духовного отца — князя Вишневецкого. В заключительных «рацеях» автор пытается обосновать свою реакционную позицию. Его пугает перспектива мира, так как это вдохновит повстанцев, «грубые хлопы снова поднимут восстание, соберутся, перебьют шляхту, призовут татар для разгрома нашего войска, пообещав им уплатить (за службу) нашими гетманами и солдатами». В дальнейшем автор рисует мрачную для угнетателей украинского народа картину, когда шляхта вообще будет изгнана с Украины и казаки «полностью выбьются из подданства Речи Посполитой и создадут свою, казацкую Речь Посполитую или Русское княжество».

Чтобы этого не произошло, автор «Дискурса» требует поступать в соответствии с рецептами Вишневецкого, полностью истребляя повстанцев. В этом вопросе он занимал более реакционную позицию, чем автор «Ответа» (не говоря уже о создателе «Сентенции»), требуя полной ликвидации казачества, чтобы «и не слышать было имени запорожских казаков», требует разорения Украины, усиления репрессий по отношению к остальным слоям украинского народа (крестьянам, горожанам), добивается расправы над православным духовенством, запрета православным жить в городах, уничтожить православные церкви на близлежащих к Польше землях Украины и Белоруссии. В патологической злобе к восставшему народу автор даже предлагает как крайнюю меру переселение католической шляхты, утратившей «маетности» на Украине, в Подляшье и Мазовию, наделив ее там землей, а Украина «лучше лежит пустыней.., чем будет причинять Речи Посполитой такой ущерб, позор и пролитие шляхетской крови». Только тогда, заключает автор свой трактат, «не будет слышно имени запорожских казаков.., будет уничтожено их имя», только тогда «вся Русь, которая сейчас казакам верит и казаками грозит, будет удерживаться в повиновении и более не поднимет руку на Корону Польскую».

Таким образом, в трактате «Дискурс» нашли полное отражение воззрения на Освободительную войну наиболее реак-

ционной части правящих кругов Речи Посполитой. Показательно, что даже в этом сочинении содержатся ценные признания автора о режиме тяжелого социально-экономического гнета, установленного на украинских землях магнатско-шляхетской Речью Посполитой, о всенародном характере борьбы против поработителей.

Феодално-католическая реакция уже в первые годы Освободительной войны обрушила волну клеветы и на повстанцев в целом, и на их предводителей, о чем свидетельствуют рассмотренные выше брошюры о полковниках М. Кривоносе и Полторакожухе. Но особенную злобу реакционеров вызывал предводитель казацко-крестьянской армии Б. Хмельницкий. Наиболее показательным памятником, созданным во враждебном Освободительной войне лагере, является обнаруженная нами «Генеалогия Богдана Хмельницкого», найденная в Раве-Русской и присланная протопопом из Субботова на радость всем благоверным схизматикам, чтобы каждый из них носил ее на себе на страх врагам и почитал за особенную святыню. Книги рождения и плодения простовірного раба Зиновія Хмельницького, во святом крещенію названного Богдана, з тих предків руських, коли ся родили да плодили...»³⁶.

«Генеалогия» дошла до нашего времени в списке, составленном около 70-х гг. XVII в., но была создана еще в 1648—1649 гг., о чем свидетельствует сокращенный ее вариант, известный исследователям под названием «Евангелія руська схизматицька»³⁷. Оба варианта были написаны на польском и искаженном украинском языках буквами латинского алфавита. Данный памятник был создан с пропагандистскими целями в стане крайне реакционных сил Речи Посполитой. Неизвестный автор поставил перед собой задачу доказать «мужицкое» происхождение Богдана Хмельницкого, что по его замыслу должно было бы унижить гетмана в глазах польских, да и не только польских, феодалов. Король и правительство Речи Посполитой в своих внешнеполитических акциях также проводили данный тезис, рассчитывая помешать укрепляющимся дипломатическим контактам администрации Б. Хмельницкого с соседними государствами, в первую очередь с Россией. Заметим, что в действительности Б. Хмельницкий происходил из шляхты, хотя не придавал этому особого значения, подчеркивая свою связь с казачеством. Правда, в отдельных случаях, например при решении вопроса о союзе с Молдавией и браке Тимоша Хмельницкого с дочерью Лупула, шляхетское происхождение гетмана подчеркивалось.

Следует отметить, что в Польше XV—XVII вв. существо-

вало немало сочинений, в которых высмеивались генеалогические притязания бюргеров, а иногда и разбогатевших крестьян. Так, в первой половине XVII в. В. Н. Трепка из Сецехова написал «Книгу Хамов», в которой указал свыше 2500 псевдошляхетских родов. Известны фразки, в которых высмеивались неблагозвучные с точки зрения польского шляхтича фамилии украинской, белорусской и литовской шляхты, что должно было создать соответствующее общественное мнение и тем самым укрепить привилегированное положение польских феодалов, например: «Карош, Хатка, Ожигалка, Палка, Клуз, Струз, Туз, Минек, Спинек, Нерка, Рынек, Сперка, Гиль, Мотыль и Князь, Коциба, Рыло, Цырыло, Радко, Дитко, Говорытко, Корытко, Смартникель, вшитко». Сочинения, высмеивавшие «гербовники» разбогатевших «посполитых», пытающихся «одворяниться», создавались и на Украине, свидетельством чему являются известные «Доказательства Хама Данилы Куксы потомственны», но здесь начинают ощущаться демократические тенденции. Последние были развиты в некоторых сатирических произведениях украинской классической литературы, о чем свидетельствует «Пан Халявский» Г. Квитки-Основьяненко и особенно «Мартын Боруля» И. К. Карпенко-Карого.

Опираясь на пародии XV—XVII вв., подражая стилю евангелия от Матфея, автор написал «Генеалогию», которая в очернении Б. Хмельницкого заходит слишком далеко. Автор не ограничился перечислением «хлопских» имен якобы действительных предков гетмана («родилися и плодилися на недорід у чорному лісі, на гнилому болоті, да уродили Пана-са, Панас пак уродив Кунаса, Кунас* зась уродив Бориса..., Гриць уродив Миця, Миць зась зродив Сася, а Сась зась Дация...»), но и попытался обвинить их во всевозможных пороках и связях с нечистой силой. Эта идея, правда, не была оригинальной. В плодившихся, как грибы после дождя, произведениях польской шляхетской публицистики 1648—1649 гг. не раз встречался тезис: «Хмельницкий — сын антихриста», а к реалистическим портретам гетмана, созданным голландцем В. Гондиусом, поэтому пририсовывали дьявольские рога. Лишь в заключении памятника помещено сообщение о крестных родителях Тимоша Хмельницкого, в кото-

---

* Кунас упоминается не случайно. Согласно легенде основателем династии великих князей литовских был князь Палемон и три его сына (Борк, Кунас и Спера): От них выводили свое легендарное происхождение многие княжеские и шляхетские роды Литвы, Белоруссии и Украины.

ром, возможно, есть рациональное зерно: «...а там почався гетьман козацький Хміль, а Хміль вродив Тимошка, старшого гульятійського сина, котрого мамкою була баба київського митрополита Косова, котра хрестила його з Феодосієм, архимандритом чигиринським»³⁸.

Таким образом, факт открытой ненависти автора данного памятника к антифеодальной и освободительной борьбе народных масс Украины не подлежит сомнению. И все же «Генеалогия» имеет определенную ценность как памятник публицистики, дает представление о методах, используемых феодально-католической реакцией в своей пропаганде, о накале идеологической борьбы в период Освободительной войны.

ГЛАВА II

МЕМУАРЫ

Мемуары Богуслава Маскевича

Б. Маскевич (Машкевич) (1625—1683) происходил из польского шляхетского рода, переселившегося в Белоруссию в середине XVI в. Отец Богуслава — Самуил (1580—1640) известен как выдающийся польский мемуарист, описавший интервенцию Речи Посполитой против России в начале XVII в. Богуслав Маскевич, окончив школу у иезуитов в Новгороде, поступил на службу к князю Б. Радзивиллу (1644 г.), затем — к Вишневецкому (1646 г.). В 1647 г. он принимал участие в походе войск Вишневецкого против татар в Нижнее Поднепровье. Этот поход, крепость Кодак, находящуюся ныне в черте современного Днепропетровска, прилегающие к ней степи Маскевич позднее ярко описал в своих воспоминаниях. 15.II 1648 г. Вишневецкий узнал о восстании казаков на Запорожье и на следующий день с вестью об этом послал Маскевича к коронному гетману Н. Потоцкому. Будущий мемуарист исполнил данное поручение. Накануне Корсунской битвы Маскевич вновь выполнял обязанности связного. В дальнейшем он присоединился к отряду Вишневецкого, уходящего от надвигающегося восстания на запад по маршруту Прилуки—Чернигов—Брагин—Овруш—Немиров—Збараж. После прибытия в Збараж Маскевич оставляет службу у Вишневецкого и возвращается в Белоруссию. Здесь он в составе войск князя Януша Радзивилла принимает участие в карательных операциях против повстанцев в 1649—1650 гг. С начала 50-х гг. XVII в. Маскевич, вероятно, оставляет во-

енную службу и предается хозяйственным занятиям в своем имени.

Сочинение Маскевича известно по двум фрагментам, дошедшим в копиях XVIII в. В первом из них, написанном в 1652—1677 гг., освещались события 1643—1649 гг., во втором, написанном около 1660 г., — события 1658—1659 гг. Таким образом, памятник представляет собой мемуары, хотя Маскевич и пытался придать им форму дневника. Оба фрагмента воспоминаний несколько раз публиковались на польском языке в XIX в., а в 1896 г. Катерина Мельник издала в переводе на русский язык известия о событиях 1643—1649 гг.¹ Самый полный и точный текст мемуаров был издан наряду с воспоминаниями Маскевича-отца В. Чаплинским и А. Сайковским в 1961 г.²

Наиболее важные известия памятника относятся к тем событиям, очевидцем и непосредственным участником которых был сам автор. Это рассказы о боях карателей Вишневецкого с казацко-крестьянскими отрядами под Немировым, Константиновым летом 1648 г., о ходе карательных операций Я. Радзивилла в Белоруссии в 1649 г. (захват литовско-шляхетскими войсками Турова, Мозыря, Бобруйска, Речицы). Кроме того, привлекают внимание рассказы о Корсунской и Пилявецкой битвах³, основанные на свидетельствах очевидцев. Следует отметить весьма откровенные признания Маскевича в его повествованиях о зверствах карателей, особенно немецких наемников, в захваченных Мозыре и Бобруйске, о казни полковников Михненко и Поддубского. Маскевич в своих мемуарах дал также весьма редкие для произведений, созданных во враждебном Освободительной войне лагере, оценки действий коронных гетманов Н. Потоцкого и М. Калиновского. Так, о битве под Корсунем он пишет: «Черта с два там могло быть хорошее руководство (войском), если... Потоцкий постоянно пил водку и сидел в то время пьяный в карете, а второй... гетман Калиновский, хоть и пытался что-то предпринять, но его не очень-то слушали»⁴. В другом случае автор пытался установить причину поражения под Пилявцами: «Кара господня проявилась в том, что наши, не видя ничего особенного, (вдруг) начали бежать и бежали так позорно, что иной лишь через несколько десятков миль смог оглядеться. А причиной этого был несчастный Вельзевул — князь Доминик». Картину панического бегства карателей из-под Пилявец подтверждают многочисленные источники, в том числе и неопубликованные ранее. Так, в письме львовского подкомория В. Мясковского сыну Анджею от

24.IX 1648 г. говорилось: «...страх охватил людей, и не удивительно, так как никогда еще не была Речь Посполитая в таком положении, не была так близка к своей кончине... Сам п. подचाший коронный (Н. Остророг.—Ю. М.), словно самый последний слуга, изможденный, почерневший, без епанчи, без пристойной (его званию) шапки, приволокся с несколькими рукодайнными (слугами из числа шляхтичей. — Ю. М.). Больше при нем никого не было»⁵.

При описании событий Освободительной войны Маскевич допустил и ряд ошибок, иногда умышленных, хронологических погрешностей. Его враждебность к антифеодальной и освободительной борьбе народных масс Украины и Белоруссии была основной причиной этого. Тем не менее мемуары Б. Маскевича представляют значительный интерес, поскольку в них содержится немало оригинальных известий. Они отличаются и серьезными литературными достоинствами. В этом плане с ними не может сравниться ни одно произведение польской мемуаристики, отразившее историю Освободительной войны. Конечно, значительно более яркими являются знаменитые воспоминания Яна Хризостома Пассека, но последний начинал свое изложение лишь с 1658 г. Следует отметить, что воспоминания С. Маскевича оказали серьезное влияние на Г. Сенкевича, который использовал и описание мемуаристом отдельных событий, тенденциозно переработав их в своем романе «Огнем и мечом».

«Автобиография» Богуслава Радзивилла

Б. Радзивилл (1620—1669) являлся представителем одного из знатнейших княжеских родов Речи Посполитой, считавшихся литовским. Но в жилах князя Богуслава текла и польская, и немецкая, и украинская, и белорусская кровь. Так, бабкой по отцу Богуслава была Екатерина Острожская, его дедом по матери — Иоанн-Георг Гогенцоллерн, бранденбургский электор в 1571—1598 гг. Б. Радзивилл находился в родстве с королями Польши, Австрии, Франции, Испании, Дании, Швеции и т. д. Детство и молодые годы князь провел за пределами Речи Посполитой, в основном в Германии, Нидерландах и Франции, время от времени бывая в Варшаве, Вильнюсе и Слуцке. Получив отличное образование, князь посвящает себя военной карьере, принимая участие в сражениях на стороне Франции. 14.IV 1648 г. Людовик XIV издал патент, утверждающий «нашего дражайшего и любимейшего

кузена» командующим польскими и немецкими наемниками на французской службе. Весть о начале Освободительной войны вызвала серьезное беспокойство князя за судьбу своих владений в Белоруссии, и он возвращается в Польшу. Здесь он проводит вербовку карательных войск за свой и за государственный счет, становится генералом гвардии Яна Казимира, принимает непосредственное участие в сражениях под Берестечко и Жванцем. С 1654 г. Б. Радзивилл и его двоюродный брат Януш, великий гетман литовский, возглавляют оппозицию Яну Казимиру. Их переход вместе со своими сторонниками к шведскому королю Карлу X Густаву немало способствовал катастрофическому положению Речи Посполитой в годы так называемого «потопа» (1655—1657). После поражений шведских и трансильванских войск в 1657 г. Б. Радзивилл перешел на бранденбургскую службу и вскоре стал наместником так называемой «Княжеской Пруссии». В дальнейшем он вновь принимал участие в политической жизни Речи Посполитой, был даже делегатом конвокационного и элекционного сеймов 1668 г. от бельской земли.

В 1666 г. Б. Радзивилл написал «Автобиографию», которая, по его замыслу, должна была помочь ему «очиститься» от обвинений в измене Речи Посполитой, а также добиться гетманской булавы. Все четыре редакции «Автобиографии», которые при освещении событий середины XVII в. мало чем отличаются друг от друга, а также некоторые иные произведения автобиографического характера («Когда и какие должности я занимал»; «Когда я начал заниматься военными делами и в каких сражениях участвовал»), письма были недавно опубликованы наряду с подробнейшим комментарием⁶.

При написании «Автобиографии» Б. Радзивилл использовал свои воспоминания, свидетельства слуг, например белорусского шляхтича Яна Цедровского*. Привлекались также «Приватный дневник» Б. Радзивилла, его же «Канцелярский дневник», «Апология» С. Пшипковского. В свою очередь «Автобиография» серьезно повлияла на некоторые рукописные жизнеописания Б. Радзивилла, прежде всего «Жизнь» (1667—1670) С. Пшипковского, латиноязычную «Историю жизни»

---

* Сам Я. Цедровский также написал интересные мемуары, но в них почти не касался событий Освободительной войны. Воспоминания Цедровского недавно были вновь опубликованы А.Ф. Коршуновым (Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. — Минск: Навука і тэхніка, 1983, с. 123—134).

(1674) и анонимную биографию Б. Радзивилла, изучавшуюся в 1670 г. в Кенигсбергском университете.

В небольшом по объему памятнике определенное место было отведено и событиям Освободительной войны, в которых участвовал автор. Это касается Жванецкой и особенно Берестецкой битв. В последней Б. Радзивилл командовал наемниками правого крыла, действия которых привели, по утверждению автора памятника, к бегству татарской орды и победе коронного войска. Здесь ощущается стремление Радзивилла к апологетизации своей военной деятельности, даже в ущерб правде. Вместе с тем Б. Радзивилл излагает события подчеркнуто нейтрально, избегает выпадов против повстанцев, приводит в ряде случаев достоверные свидетельства. Это относится, например, к описанию ухода повстанцев по «плотине через став, построенной ими из старых седел, кожухов и возков», вследствие чего польско-шляхетские войска застали лагерь почти пустым. Радзивилл упоминает и о том, что его части вместе с отрядами Стефана Чарнецкого были снаряжены в погоню за уходящим казацко-крестьянским войском и в одном «гаю» его наемникам удалось убить 800 повстанцев⁷. Представляют интерес некоторые детали описания Батожской битвы, в которой было перебито два набранных Б. Радзивиллом полка, Жванецкого сражения (упоминание о сепаратных переговорах крымцев с Яном Казимиром), сведения о деятельности в Баре разведчиков Б. Хмельницкого, вследствие которой автор «Автобиографии» едва не попал в руки ордынцев. В целом же «Автобиография» лишь детализирует известия иных источников о ходе отдельных событий Освободительной войны.

Мемуары Миколая Емеловского

Польский шляхтич М. Емеловский (20-е гг. XVII в. — около 1693г.), «землянин» белзского воеводства герба Порый, служил «товарищем» легкой хоругви, принимал участие в карательных экспедициях на Украине в середине XVII в., в частности в битвах под Берестечко (1651 г.) и под Чудновым (1660 г.). Имя Емеловского встречается и в судебных делах. После одного из вооруженных конфликтов с соседями-шляхтичами Емеловский был даже приговорен к баниции (1664 г.), что, однако, не помешало ему после отречения Яна Казимира стать сборщиком налогов на военные нужды в белзской земле.

В годы правления Яна III Собесского, короля Польши, в 1674—1696 гг. Емеловский создал свои мемуары. Их сохранившаяся первая часть содержит в себе изложение событий с 1648 по 1679 г. В 1848 г. оригинал данной части мемуаров был обнаружен в библиотеке В. Рогалинского и вскоре издан историком А. Беловским⁸.

Важное место в воспоминаниях Емеловского занимает история Освободительной войны. Описывая ее события, автор предпочитал останавливаться на традиционных для польско-шляхетской историографии сюжетах (история крупнейших битв периода Освободительной войны: Желтоводской, Корсунской, Пилявецкой, Збаражской, Зборовской, Берестецкой, Батожской, Жванецкой; смерть Владислава IV и избрание королем Яна Казимира; Переяславская комиссия; Зборовский и Белоцерковский миры; деятельность сеймов и некоторые другие). При этом пространные описания Емеловского оказываются на удивление трафаретными, изобилуют ошибками и неточностями. Так, Емеловский писал о поражении войск М. Кричевского в 1651 г. (хотя это произошло в 1649 г.), смерть Б. Хмельницкого относил к 1656 г., а не к 1657 г., ошибочно считал, что действия на территории Польши корпуса казацкого полковника А. Ждановича происходили уже после смерти Б. Хмельницкого, а не до нее. Мемуарист неправильно называл крымского хана Ислам-Гирея III (IV) Ахмет-Гиреем, безосновательно утверждал, что в сражении под Пилявцами принимало участие несколько десятков тысяч ордынцев, что Тугай-бей якобы погиб под Замостьем и т. д.⁹ Такие ошибки объясняются и тем, что мемуары создавались спустя более чем 20—30 лет после окончания Освободительной войны, а также тем, что Емеловский и не стремился к воссозданию полной и scrupulously проверенной картины происходивших событий. Он редко использовал письменные источники, разве лишь условия Зборовского мира, условия капитуляции повстанческого отряда И. Федоровича, возглавившего оборону Сучавы после гибели Т. Хмельницкого (1653 г.), и некоторые другие, в основном опираясь на стандартные представления об Освободительной войне, господствовавшие в среде провинциальной шляхты.

На достоверности мемуаров отрицательно сказалась также классовая ограниченность Емеловского, его враждебное отношение к Освободительной войне, определенный провиденциализм. В соответствии с официальными установками автор постоянно определяет повстанцев как «своевольников» и «бунтовщиков», всячески расписывая их жестокость по отно-

шению к польской шляхте и католическому клиру, обвиняет Богдана Хмельницкого и его сына Тимоша в «тиранстве» и т. д. Лишь изредка в мемуарах можно встретить эпитеты иного свойства. Так, И. Богун именуется мемуаристом «неустрасимым»¹⁰. Но такие признания не редкость и в иных источниках, созданных в стане карателей, о чем свидетельствует, например, неопубликованное письмо коронного подчашего Н. Острога (от 24.III 1649 г. из Бара), в котором полковник Данило Нечай именуется «отважным человеком»¹¹. Справедливости ради следует отметить, что политические и исторические взгляды Емеловского имели свою специфику. Мемуарист довольно резко критиковал С. Маховского, умеренно отзываясь о Вишневецком и предпочитая последнему «мудрого канцлера» Оссолинского и т. д. Весьма правдиво изображалось паническое бегство карателей из-под Пилявы, причем отмечалось, что повстанцы гнались за беглецами вплоть до константиновской переправы и рубили их, «как капусту»¹².

Наибольшую ценность в мемуарах Емеловского представляют лишь отдельные сообщения, относящиеся к истории борьбы «опрышков» и «левенцов» против угнетателей в Поднестровье и даже у Татр (1650 и 1652 гг.), о восстании в Польше А. Костки-Наперского (1651 г.), о русском посольстве Б. А. Репнина-Оболенского в Польшу (1653 г.), о воссоединении Украины с Россией¹³. Автор освещал и деятельность Б. Хмельницкого накануне Освободительной войны, причем по сравнению с многочисленными историографами и мемуаристами указывал на некоторые важные подробности. По его словам, Владислав IV и Оссолинский, задумывая широкие планы войны против Османской империи, в которой важное место отводилось и казачеству, даже обещали последним деньги на строительство чаек и позволили начать необходимые приготовления. Б. Хмельницкий же воспользовался этим и под предлогом подготовки к «турецкой» войне начал вербовать «своевольников». Когда же планы войны были сорваны по вине наиболее реакционной части магнатов и шляхты, когда Субботов стал объектом типичного для старой Речи Посполитой шляхетского «наезда», Б. Хмельницкий «побунтовал все и вся»¹⁴. Весьма ценными являются свидетельства Емеловского о составлении реестра Войска Запорожского в 1649—1650 гг., когда «почти каждый хлоп и подданный украинский как королевский, так и шляхетский захотел попасть в реестр и вовсе не помышлял о послушенстве своим панам», а также непосредственные впечатления мемуариста о Берестецкой битве и о лично виденных им трофеях — вещах

коринфского митрополита Иоасафа, которые были сложены в палатке холмской Девы (евангелие в золотой оправе, митра и пояс)¹⁵. Можно также отметить и сообщения Емеловского о саранче, неурожайных годах в середине XVII в., описание похорон Б. Хмельницкого, характеристику его младшего сына Юрия, упоминание о том, что полковник Гр. Гуляницкий носил прозвище «Квитка», и т. д.¹⁶.

Таким образом, при всей второстепенности большинства свидетельств Емеловского, в его обширном труде, напоминающем временами историческую хронику, содержится ряд оригинальных сведений по истории Освободительной войны.

Мемуары Станислава Вежбовского

Ст. Вежбовский (1659—1728) родился в Кракове в семье шляхтича. Детство провел в Варшаве и Вильнюсе. Обучался в коллегиумах: сначала в Варшаве, затем у познанских и калишских иезуитов. В 1677 г. Вежбовский поступает в краковскую академию, прослушивает курс логики в Самборе, а затем через Германию и Нидерланды направляется в Париж, где проводит 2 года. По возвращении в Польшу Вежбовский дослужился до поста хорунжего, а затем и старосты ленчицкого. Около 1689 г. Вежбовский завершил написание своих мемуаров под названием «Коннотата (запись. — Ю. М.) событий, происходивших в семье и в стране с 1634 по 1689 г.»¹⁷ Большая часть памятника представляет собой фамильную хронику, основывающуюся на воспоминаниях автора и членов его семьи, знакомых, а также на некоторых печатных источниках, в том числе известной «Новой Гигантомахии» (1658 г.) А. Кордецкого.

Освещение Вежбовским событий Освободительной войны является весьма беглым и поверхностным, тем более что автор весьма враждебно относился к антифеодальной и освободительной борьбе народных масс. Часто он восхваляет карателей, особенно Вишневецкого. Молдавский господарь Лупул удостоился теплых слов автора лишь за то, что «симпатизировал нашему отечеству»; Зборовский мир Вежбовский считал слишком выгодным для повстанцев и т. д. Лишь отдельные детали повествования имеют определенную ценность. Так, автор подробно рассказывает о сражении под Берестечко и перечисляет трофеи польско-шляхетского войска. При этом отмечает, что все эти «кожухи, попоны, повозки, коляски, самопалы» не могут сравниться «с нашими потерями (трофеями) под Пилявцами»¹⁸, но здесь можно подозревать влияние

«Гражданской войны» (1681 г.) С. Твардовского. Интересно упоминание автора о том, что в 1652 г. коронное войско насчитывало 50 тыс. человек, причем это были солдаты и офицеры в основном немецкого происхождения. Именно они произвели огромные опустошения в самой Польше. Весьма важным является известие о воссоединении Украины с Россией, когда «вся Русь», то есть Украина, присягнула «на верность царю»¹⁹.

«ДОНЕСЕНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ОБЫЧАЯХ КАЗАКОВ»

Альберто Вимины

В 1648 — 1650 гг. Венеция активизировала свои усилия по созданию антитурецкой коалиции. В частности были направлены посольства в Австрию, Иран*, Польшу, на Украину. В мае 1650 г. в Чигирин прибыл венецианский дипломат Альберто Вимины (Николо Бьянки) (1603—1667) и встретился здесь с Б. Хмельницким. Он склонял гетмана к совместному с Польшей походу против Османской империи и передал ему соответствующее послание от Николо Сагрето — посла Венеции в «Священной Римской империи». Однако момент для данного предприятия был выбран неудачно. Феодално-католическая реакция в Речи Посполитой готовила новый карательный поход, устраивала провокации на границе. Народные массы Украины активно выступали против попыток магнатов и шляхты реставрировать старые порядки, оказывали содействие антифеодальной и освободительной борьбе, продолжавшейся за пределами освобожденных территорий. В результате конфликты на границе не прекращались, а Зборовский мир, не устраивавший обе стороны, с каждым днем становился все более несостоятельным. Поэтому Хмельницкий в своем письме к Н. Сагрето, врученном Вимине 13 (3). VI 1650 г., писал, что в данное время мы «никак не можем оказать эти услуги... Венецианской республике», и оговаривал участие в войне против Османской империи рядом невыполнимых в то время требований²⁰.

Вернувшись на родину, Вимины доложил о результатах своей миссии и, вероятно, в дополнение к этому написал «Донесение...», которое известно по списку 1656 г. Эта рукопись

---

* «Новины» от 12.IV 1649 г. из Италии сообщали: «...прибыл доминиканец из Персии с письмами от шаха к сенату Венеции и князю Флоренции, (в которых выказывает) большую склонность к войне против Турции» (ВГА. СП, № I, т. 364, с. 1).

была обнаружена в 1877 г. проф. Джузеппе Ферраро и опубликована в 1890 г. Позднее памятник был переведен на русский и украинский языки, издан²¹ и с тех пор прочно вошел в научный оборот. В дальнейшем А. Вимины был послом Венеции в Россию (1655 г.), создал обширное сочинение «История гражданской войны в Польше» (Венеция, 1671 г.), куда полностью было включено и «Донесение». Это произведение остается неопубликованным, за исключением небольшого фрагмента, в котором рассказывается о восстании народных масс на Волыни в конце 1649 — начале 1650 г. Данный фрагмент был издан известным советским историком Н. Н. Петровским совместно с В. К. Путиловым²². Нам не удалось использовать оригинал «Истории», из-за чего остается открытым и вопрос о происхождении еще одного италоязычного источника — небольшой хроники, обнаруженной нами в ЦГАДА²³. Некоторые текстуальные совпадения позволяют предположить, что данный памятник также был создан Виминой. Оригиналы этого сочинения хранились в библиотеке Валичелли в Италии. В 1825 г. М. де Страндманом (Штрандманом) была снята копия на 83 страницах и дан условный заголовок на французском языке: «Описание политического и военного положения Короны Польской в 1650 году». Памятник начинается с истории происхождения казачества, затем сообщается о крестьянско-казацком восстании под предводительством Павлюка. Основное место занимает рассказ о крупнейших сражениях начального периода Освободительной войны. Завершается повествование упоминанием о заключении Зборовского мира. Оригинальных известий здесь почти нет, хотя отдельные сообщения довольно интересны. Так, например, о Б. Хмельницком говорится как о «муже воинственном и сведомом в письме», который «Освободил православный народ от лядского ига». Данная хроника, как и «История...» А. Вимины, заслуживает дальнейшего исследования как важный памятник славяно-итальянских связей.

Основной труд А. Вимины («Донесение») базировался на личных впечатлениях автора и его слуг, путевых записях мемуариста, свидетельствах самих повстанцев. Ссылался Вимины и на античных авторов (Плутарх, Овидий, Сенека), были ему, вероятно, известны и некоторые латиноязычные сочинения польских хронистов (П. Пясецкий, Р. Гейденштейн), что видно из повторения итальянским автором их ошибочного мнения о происхождении названия «казак».

Вимины охотно ссылается на собственные впечатления при посещении им Острога, Киева, Корсуня, Чигирина, упомина-

ет о своих спорах с повстанцами по вопросам религии, о своем слуге, который допускал преувеличения в своих рассказах о Венеции, на что ему остроумно указали слушатели-повстанцы. Пораженный плодородием украинских земель, венецианский дипломат восклицает: «Я с трудом поверил бы подобному явлению, если бы не убедился собственными глазами и не видел бы на месте таких крупных и обильных зерном снопов, каких не получишь в других странах при самой тщательной обработке».

Большую часть «Донесения» занимает повествование о происхождении казаков, о природных и климатических условиях Украины. При этом верно подчеркивалось, что в период Освободительной войны «имя казаков... сильно распространилось». Вими́на характеризовал также хозяйственные занятия, быт и обычаи украинского народа, отмечал некоторые моменты этнографического характера. Уже этим воспоминания Вимины резко отличаются от сочинений польских мемуаристов середины XVII в., основное внимание уделявшим изображению хода военных действий.

Нестандартный подход к освещению Освободительной войны обнаруживается и в выборе Виминой сюжетов повествования. Его внимание привлекает государственное устройство освобожденных территорий, функционирование аппарата гетманской администрации. Итальянский мемуарист считает образ правления на освобожденных территориях республиканским и даже сравнивает существующие здесь порядки со спартанскими.

Значительно отличается Вими́на в своем отношении к восставшему народу от польских шляхетских мемуаристов, говоря о казаках как о «благородных, но суровых и грубых» людях, весьма свободолюбивых, которые, «видимо, ни во что ставят богатство, ибо довольствуются малым». Вими́на делает важные замечания о военном потенциале казацко-крестьянской армии («сколько голов, столько... и воинов»), высоко ценит выносливость и неприхотливость повстанцев, по словам которых, «во время морских походов... им не раз приходилось голодать по три дня, питаясь отвратительнейшим черным хлебом, чесноком и луком. Во время же сухопутных походов... казаки довольствуются небольшим количеством пшена... спят на голой земле». Интересно свидетельство мемуариста о меткой стрельбе повстанцев: «Мне случалось видеть, как они... пулей тушили свечку, отсекая нагар так, что можно подумать, будто это сделано при помощи щипцов». Уникальна пространная характеристика Б. Хмельницкого, с которым Вими́на вел пе-

реговоры, описание его внешности, в чем можно убедиться из приводимого ниже отрывка: «Роста он, скорее, высокого, нежели среднего, широк в кости и крепкого сложения. Речь его и способ управления показывают, что он обладает зрелым суждением и пронизательным умом... В обращении он мягок и прост, чем привлекает к себе любовь воинов, но, с другой стороны, он держит их в дисциплине строгими взысканиями...» В его комнате «нет никакой роскоши.., в головах (постели) висят лук и сабля, единственное оружие, которое он обыкновенно носит». Данная характеристика сродни независимым от нее описаниям шведского дипломата К. Я. Гильдебрандта и Павла Алеппского²⁴, создавшего знаменитый дневник путешествия антиохийского патриарха Макария. Отметим, что два последних автора позитивно и даже восторженно (П. Алеппский) относились и к повстанцам, и к самому Б. Хмельницкому. Отсутствие враждебности по отношению к повстанцам у Вимины, так же как и Гильдебрандта, объяснялось прежде всего тем, что оба мемуариста видели в них желанных союзников и использовали информацию из их уст.

Правда, степень объективности Вимины не следует преувеличивать. Итальянский дипломат был представителем правящего класса, католиком, и это проявляется, например, в его неприязненном отзыве о происхождении казаков от «преступных людей», негативном отношении к православию, переносимом иногда на приверженцев данной религии. А. Вимины явно недооценивал уровень развития ремесла, торговли и просвещения на Украине середины XVII в. Тем не менее «Донесение» Вимины представляет собой уникальный источник, в котором до известной степени нашли также отражение тенденции повстанческого лагеря.

«История войны казаков против Польши» Пьера Шевалье

Данная книга, изданная в Париже в 1663 г., приобрела наибольшую известность среди франкоязычных источников по истории Освободительной войны. Эта книга выдержала несколько изданий на французском и английском языках, активно использовалась многими историками XVII—XIX вв., в том числе Петром Симоновским и Александром Ригельманом. В советское время этот труд был подробно охарактеризован и высоко оценен Б. Ф. Поршневым, после чего был издан в переводе на украинский язык и подробно прокомментирован²⁵.

Отдавая должное труду Шевалье, по которому поколения

историков в странах Западной Европы знакомились с историей Освободительной войны, не следует упускать из виду и то, что «История» практически не содержит в своем составе оригинальных фактов. Почти все ее сведения были почерпнуты П. Шевалье из хорошо известных сочинений авторов XVII в. — Г.-Л. де Боплана и Иоахима Пастория²⁶. Последний с нескрываемой враждебностью относился к восставшему народу, и это сказалось на книге Шевалье. Хотя французский автор накануне Освободительной войны находился на территории Речи Посполитой, вербуя наемников для Франции, имел определенные связи в среде польских магнатов и шляхты, но эти каналы получения информации не были им использованы. Лишь введение, где упоминается о пребывании Б. Хмельницкого во Франции до Освободительной войны, характеристика гетмана как «второго Кромвеля» да отдельные мелкие вкрапления в материал, почерпнутый из «Войны скифо-казацкой» И. Пастория (Гданьск, 1652 г.), являются оригинальными.

Сочинение Франсуа Поля Далерака и некоторые другие историко-географические произведения

Современные исследователи склоняются к мнению, что подлинное имя автора памятника, о котором речь пойдет ниже, — Ф. П. Далерак, секретарь королевы Марии Казимиры и агент Яна Собесского. Издавая свой труд в 1698 г.²⁷, он, однако, скрыл свое подлинное имя под псевдонимом, назвавшись шевалье де Божо, возможно, потому, что представители этого дворянского рода отличились в борьбе против Османской империи в XVI—XVII вв.

Далерак был, по всей вероятности, родом из Парижа, побывал не только во Франции, но и в Нидерландах, Дании, Германии, Швеции и др. Находясь на польской службе, Далерак провел на территории Речи Посполитой 13 лет (с перерывами) и окончательно покинул эту страну около 1692 г. Мемуарист был вхож в высшие круги феодальной Польши, хорошо знаком с французскими посланниками в Варшаву (Акакия, де Бетюн, де Витри), неоднократно присутствовал на заседаниях сеймов 1683, 1685, 1688 гг., был свидетелем многих важных событий, например переговоров русских и польских дипломатов в Варшаве в 1685 г. Далерак принимал участие в битве под Веной в 1683 г., попал там в турецкий плен и лишь через 14 месяцев обрел свободу. Дважды мемуарист сопровождал Яна Собесского в его путешествии из Вар-

шавы во Львов и во время пребывания на Украине серьезно заинтересовался ее историческим прошлым.

В 1698 г. были опубликованы воспоминания Далерака, в основе которых лежат его дневники, в том числе и те, где описывалось его путешествие по западноукраинским и польским землям в 1679—1681 гг. Также использовались сочинения французских географов, польских хронистов, исторические документы, воспоминания и свидетельства очевидцев.

На основе упомянутых источников французский автор составил также краткий очерк истории Украины, которую назвал «землей обетованной», «молоком и медом текущей», истории запорожского казачества, о котором, как и Э. Лясота, Г. Л. Боплан, К. Гильдебрандт, отозвался весьма высоко²⁸. В этом же разделе воспоминаний мемуарист попытался проанализировать причины Освободительной войны и в результате пришел почти к таким же выводам, что и фризский дворянин У. фон Вердум, побывавший на Западной Украине в начале 70-х гг. XVII в.²⁹ По мнению Далерака, основной причиной Освободительной войны был тяжелый экономический гнет: «Паны так плохо обращались с казаками, донимаемыми также евреями (имеется в виду еврейская торговая верхушка, арендаторы. — Ю. М.), что несчастные не могли дольше выдерживать этот гнет. Говорят, что князя из дома Вишневецких первыми начали преследовать своих подданных и дали повод к жалобам королю Владиславу IV. Жалобы эти не были выслушаны, и казаки решили сбросить с себя нестерпимое ярмо»³⁰. Данное объяснение является, конечно, упрощенным, но оно более точно отражает суть вещей, нежели традиционные идеалистические заключения польско-шляхетской историографии XVII—XVIII вв., характерные также и для многих представителей дворянской исторической мысли в ряде европейских стран.

Весьма резко французский мемуарист критиковал систему государственного управления Речи Посполитой, порождавшую произвол и насилие, эгоизм склонной к анархии шляхты. Характерно, что автор был католиком, но тем не менее привел ряд фактов, свидетельствующих о падении морали в среде польского католического духовенства. Так, он с неодобрением и иронией описал виденное им собственными глазами происшествие с пьяным краковским бискупом, который, совершая обряд бракосочетания, вытащил из кармана кольцо и, приняв его за очки, пытался водрузить на нос. Мемуариста поразили польские сеймы, напомнившие ему университет-

ские диспуты, присутствие на заседаниях сеймов посторонних лиц и даже иностранцев, тщательно записывавших все, о чем говорилось. Поразили Далерака и прения в сейме, которые происходили «беспорядочно.., только слышались ужасные вопли и крики 400 человек, наделенных одинаковой властью»³¹. Представляет также большой интерес информация мемуариста о предыстории Освободительной войны, о якобы имевшей место санкции Владислава IV на восстание: «Вместо усмирения неприязни король счел за лучшее побудить их (казаков) к сопротивлению следующими словами: «Разве у вас нет оружия?». Удовлетворенные послы поблагодарили короля и взялись за дело». Рассказывается история конфликта Б. Хмельницкого с подстаростой Чаплинским, поводом к которому послужил некий «млын»; упоминается о воссоединении Украины с Россией³².

Особо следует отметить подробные описания Далераком Львова, Жолквы и Яворова, его сведения об украинском народе (язык, религия, одежда, музыка и др.). Эти данные помогают лучше уяснить историко-географический фон Освободительной войны. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность историко-географических сочинений XVII в. и даже XVIII в., хотя авторы последних зачастую не были участниками Освободительной войны и даже ее современниками. Прежде всего в этих сочинениях отразилась информация не дошедших до нашего времени письменных или устных источников. Даже элементарные описания, рисунки городов, сел, построек, типичных ландшафтов, мало изменившихся за 100—150 лет после окончания Освободительной войны, дают богатый материал для лучшего уяснения событий прошлого. Так, украинские степи, где протекали многие события Освободительной войны, например Желтоводская и Корсунская битвы, оставались в конце XVIII в. почти такими же, как и в 1648 г. Лишь с начала XIX в., когда развернулась их сплошная распашка, первоначальный вид степей был утрачен.

В этом плане наибольший интерес представляет альбом известного эльзасского художника **Жана Анри Мюнца** (1727—1798), который в 1781—1784 гг. трижды побывал на Украине и создал целую галерею из более чем 300 рисунков. Мюнц тщательно зарисовал Буки, Брацлав, Богуслав, Канев, Крылов, Корсунь, Каменец-Подольский, Олесский замок, Лысянку, Могилев-Подольский, Смилу, Стеблив, Субботов, Терехтемиров, Умань, Чигирин, Ямполь, оставил зарисовки типичных крестьянских дворов, построек, корчем, запорожских зем-

лянок, различных ландшафтов Украины и Белоруссии. Добавим, что Мюнц в своем дневнике приводил и комментарии к рисункам, точно фиксировал место природы, рассказывал о занятиях населения, характере почвы, фауне, флоре, пересказывал предания, в том числе и об Освободительной войне. Так, он сообщает о татарском набеге на Канев (7.X 1653 г.), о мельнице, из-за которой якобы вспыхнул конфликт между Б. Хмельницким и Чаплинским, о чем, кстати, писал и Далерак. Весьма интересен и рисунок этого же «млына» в Субботове, сделанный французским художником с натуры³³.

Немаловажным дополнением к рисункам Мюнца являются гравюры из первого издания книги «Цианея» (1687 г.)³⁴ и альбома аугсбургского художника Габриэля Боденера, созданного в 30-е гг. XVIII в.³⁵ Эти рисунки восходят к картам и эскизам, вывезенным Бопланом, и представляют внешний облик Кафы, Очакова, Перекопа, Белгорода, Ясс, Азова такими, какими они были в середине XVII в.³⁶

Большой интерес представляет собой знаменитая «Книга путешествия» турецкого автора **Эвлии Челеби** (1611 — около 1683 г.). Последний побывал на Украине в 1656—1658 и 1665—1667 гг., неоднократно посещал Причерноморье. Челеби ярко описал Чигирин, Умань, Черкассы, Львов, города Крыма и Молдавии, хотя и допустил немало преувеличений, например при описании Збаража. Турецкий путешественник оставил важные записи о казаках: «жестоком, упорном и сердитом народе», — о языке, обычаях, хозяйственных занятиях украинцев. Челеби описал также морские походы донского и запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства (Азов, Очаков, Килия и даже турецкая крепость Гонио в юго-западной Грузии). Сведения турецкого путешественника, лично знакомого с крымскими ханами Ислам-Гирем III, Мухаммед-Гиреем, великим визирем Турции в 1650 — 1651 гг. Мелек Ахмед-пашой, ведущим переговоры с послами Б. Хмельницкого, главнокомандующим трансильванской армией Яношем Кемени, содержат массу ценных сведений, особенно о государственном строе Крымского ханства, военном потенциале и образе действий орды³⁷.

Не только в фундаментальных трудах типа «Книги путешествия» Э. Челеби, но даже в самых кратких компиляциях можно обнаружить важные детали, относящиеся к истории Освободительной войны. Так, например, в «**Исторической диссертации о казаках**» **Готфрида Вайса**, защищенной 7.IV 1684 г. в Лейпциге, указывалось число реестровых казаков (6 тыс.) и отмечалось, что уже на другой день оно может со-

ставить 13 тыс., а затем и 30 тыс. При Б. Хмельницком, как считал Вайс, насчитывалось 200 тыс. казаков³⁸, хотя, конечно, правильнее говорить о повстанцах. Другим примером могут служить два немецкоязычных описания истории Запорожской Сечи, которые помогают лучше понять историю и функционирование этой организации, сыгравшей столь важную роль в Освободительной войне. Данные памятники были обнаружены нами в ЦГАДА, куда они перешли из бумаг Э. И. Бирона (1690—1772) — фаворита императрицы Анны Иоанновны. Их создание следует, вероятно, отнести к 1734 г., когда встал вопрос о возвращении запорожцев в Российское государство и создании Новой Сечи. В первом из них («Краткое известие о запорожских казаках»), основанном на неизвестном русском источнике, большой интерес вызывает перечисление 38 куреней, многие из которых существовали и в годы Освободительной войны: Пашковский, Рушовский, Кисляковский, Ивановский, Сергиевский, Донской, Крыловский, Батурицкий, Васюринский, Незамаевский, Иркиевский, Тервановский (?), Тытаривский, Величковский, Пластуновский, Браиловский, Платнеровский, Каневский, Сокуринский, Кореневский, Роговский, Корсунский, Кальниболотский, Уманский, Деревянковский, Стеблевский, Дигереловский (?), Переяславский, Полтавский, Межихатовский, Менский, Тимофеевский, Левусиховский, Дядьковский, Медведовский, Поповичевский, Выщестеблевский³⁹.

Второй памятник — «Известие о состоянии прекрасной страны Украины» Карла фон Вассенберга⁴⁰ — посвящен той же тематике, но отличается от предыдущего. В частности, здесь было уделено большее внимание административному устройству Сечи, указывалась сумма жалованья, получаемого старшиной.

Даже в том случае, когда существуют переводы историко-географических описаний и мемуаров XVIII в. на русский или украинский языки, они часто выпадают из поля зрения исследователей Освободительной войны. Так, в воспоминаниях известного немецкого мемуариста Х. Г. Манштейна (1711—1757) уделялось внимание и истории казачества, сравнивалась численность казаков в середине XVII в. и в 30-е гг. XVIII в., отмечалось, что они восстали «под предводительством гетмана Хмельницкого», когда «поляки вздумали поступать с ними, как с рабами»⁴¹.

Таким образом, историко-географические сведения, приводимые в сочинениях Ф. П. Далерака, У. фон Вердума и дру-

гих авторов второй половины XVII—XVIII в., могут быть использованы с определенными оговорками в качестве источника по истории Освободительной войны.

Глава III.

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

«Гражданская война» Самуила из Скшипны Твардовского

С. Твардовский (1605—1661) — крупнейший польский поэт и историк XVII в. — происходил из шляхетского рода, владевшего небольшой «маетностью» в Великой Польше. В молодости поэт получил хорошее образование, отлично знал латынь, итальянский и испанский языки. С 1616 г. принимал участие в войнах, прежде всего в Хотинской войне 1621 г. После участия в Хотинской войне он был включен в состав дипломатической миссии князя Криштофа Збаражского, который вел в 1622—1623 гг. переговоры в Стамбуле с целью установления прочного мира с Османской империей. Это событие Твардовский осветил в своем первом произведении — поэме «Великое посольство» (Краков, 1633 г.; 1639 г.; Вильнюс, 1706 г.), причем упомянул и о знаменитой Роксолане¹. После смерти Кр. Збаражского будущий хронист находился на службе у различных магнатов, в том числе в 1633—1639 гг. у Вишневецких, переселился на Украину, где приобрел «маетность» в с. Зарубинцы под Збаражем. Начавшаяся Освободительная война вынудила Твардовского бежать со своей семьей в Великую Польшу. Позднее поэт вспоминал о своем бегстве, но оправдывался тем, что, дескать, и великому Пиндару приходилось числиться в бегах. С 1650 г. Твардовский становится управляющим «маетностями» князя Сенюты, который был тесно связан с придворным историографом Яна Казимира — Иоахимом Пасторием. Данное обстоятельство, вероятно, оказало воздействие на дальнейшую творческую судьбу поэта. В 1655 г. Твардовский перешел на сторону шведского короля Карла X Густава, но вскоре он вновь стал ориентироваться на Яна Казимира. Остаток жизни Твардовский провел в своем поместье, не забывая, однако, и об историко-литературной деятельности. Он опубликовал целый ряд стихотворных произведений, в которых развивал традиции великого польского поэта XVI в. Яна Кохановского. Отметим, что Твардовский оказал большое влияние на творчество поль-

ских поэтов XVII в. В. Кожовского, Я. А. Морштына, В. Потоцкого, Ст. Г. Любомирского и др.

Немало поэтических произведений Твардовского было посвящено исторической проблематике, в том числе и истории Освободительной войны. Об этом свидетельствуют «Побудка выступающему войску» (Лешно, 1651 г.), которая составила в дальнейшем 2-ю часть его знаменитой «Гражданской войны», элегия на смерть князя Вишневецкого и др. В том же Лешно в 1654 — 1655 гг. вышла в свет 3-я, а в 1661 г. 1-я часть «Гражданской войны». Через 20 лет полный текст поэмы (16000 стихов) был опубликован в Калише². На русский язык поэма не переводилась, на украинский язык был переведен небольшой фрагмент, повествующий о Пилявецкой битве³.

«Гражданская война» (далее — ГВ) представляет собой рифмованную хронику в 4-х частях, где излагаются события 1648—1660 гг. Основное внимание в ней уделялось истории Освободительной войны. За редким исключением (Библия, Геродот, Тит Ливий, некие «польские хроники») Твардовский нигде не ссылался на свои источники. Как было установлено С. Н. Плохием, хронист использовал многие сведения «Войны скифо-казацкой» Пастория, касающиеся истории Збаражской, Зборовской, Лоевской битв (1649 г.), русского посольства Г. Пушкина в Варшаву (1650 г.) и миссии полковника Кравченко к Потоцкому (1650 г.) и изложение событий от начала сражения под Берестечко до заключения Белоцерковского мира (1651 г.). По нашему мнению, Твардовский имел в своем распоряжении также разнообразные «летучие листки», дневники и письма участников событий, например А. Мясковского, использовал слухи и свидетельства очевидцев.

В числе источников ГВ была также «Новая Гигантомания» А. Кордецкого. Представляется заимствованным из писем С. Кушевича, реляции Бегановского о переговорах с силестрийским пашой, из немецкого «летучего листка» («Обстоятельная и достоверная реляция...») сообщение о тесных дипломатических связях, установленных Б. Хмельницким с Молдавией, Валахией, Крымским ханством, заволжскими татарами и особенно с Россией, о том, что к гетману приходили даже «румелийские босняки из-за Дуная, принося поклоны и прося об избавлении христианства», а «русинская чернь приветствовала (Хмельницкого, называя) его новым спасителем»⁴.

Используя источники, Твардовский активно перерабатывал их показания, придавал им блестящую литературную форму, обильно уснащал античными образами. При этом хронист заботился и о соответствии свидетельств источников своей исторической концепции. Так, познанский воевода Криштоф Опалинский был, как известно, главным организатором перехода великопольской шляхты на сторону шведского короля Карла X Густава под Уйстем (июль 1655 г.), вследствие чего Ян Казимир бежал в Силезию, а страна едва не утратила независимость. Твардовский, как и В. Коховский, был тесно связан с Опалинским, и поэтому оба хрониста умалчивали об этих действиях познанского воеводы и даже возвеличивали последнего, когда речь заходила о деятельности Опалинского в целом⁵.

Естественно, что при освещении Освободительной войны тенденциозность Твардовского была не меньшей, тем более что и без того враждебные показания источников, созданных в лагере феодально-католической реакции, не приходилось и «перекраивать». Негативное отношение поэта-хрониста к Освободительной войне и ее участникам проявилось, например, в большом количестве отзывов, в которых очернялась борьба народных масс. Весьма характерны для Твардовского следующие строки: «Разнузданная чернь, которая вечно шумит как море и никогда не может успокоиться... Откуда у вас это, о хлопы?! Откуда непримиримая ненависть к своим панам?!»⁶ Часто хронист употреблял официальную фразеологию: «разнузданная чернь», «гультайство», «стая хлопов», сравнивал повстанцев с многоголовой гидрой и т. д. Даже когда Твардовский ставил на одну доску Б. Хмельницкого с Ганнибалом и Александром Македонским, то и здесь не забывал добавить что-либо нелестное, например о «зухвалости» гетмана и т. д.⁷ Хронист стремился к преувеличению побед карателей и преуменьшению успехов повстанцев и не гнушался даже подтасовкой фактов. Так, вопреки десяткам разнообразных источников, созданных и в стане карателей, Твардовский утверждал, что Б. Хмельницкий покинул поле битвы под Берестечко умышленно, из трусости⁸, хотя, как известно, гетман был насильно захвачен Ислам-Гиреем. Вслед за расхожими в шляхетской среде представлениями Твардовский считал основной причиной Освободительной войны личную обиду Хмельницкого. Снижает значение ГВ как исторического источника и провиденциализм, тяготение автора к напыщенной риторике, или, говоря словами И. Франко, «бомбастике».

Тем не менее Твардовский был слишком крупной фигурой,

чтобы ставить его в один ряд с мелкотравчатыми создателями официальных реляций о Зборовской и Берестецкой битвах⁹. Не говоря о литературных достоинствах ГВ, в ней запечатлена во многих отношениях достоверная картина происходивших событий. Твардовский критически относился к анахроническим порядкам загнивающей Речи Посполитой, бессилию королевской власти, сеймов, засилью магнатов, грызущихся между собой, коррупции и т. д. Потому хронист не скрывал масштаба Пилявецкой катастрофы, а считал ее одной из позорнейших страниц в истории польско-шляхетского войска¹⁰.

На страницах ГВ Твардовский приводит немало оригинальной информации о ряде важнейших событий Освободительной войны. Так, он упоминает о массовой гибели от голода и болезней солдат и офицеров коронного войска, вышедших из осажденного повстанцами Збаража по условиям соглашений, заключенных под Зборовым. На основании свидетельств очевидцев, донесений из лагеря под Берестечко хронист описал покинутый повстанцами табор, куда вошли каратели рано утром. Здесь они застали «раненых, пленных, больных, всех женщин; даже борщи, кисели и прочее, отвратительные переболтанные саламахи были оставлены на кострах вместе с горшками». Далее хронист описывает резню, которую устроили каратели над пленными повстанцами¹¹.

В заключение краткой характеристики ГВ следует отметить ее огромную популярность в самой Польше и далеко за ее пределами. Достаточно сказать, что ГВ использовали в качестве источника многие польские хронисты и историки XVII—XVIII вв., в первую очередь В. Коховский, а также неизвестный автор «Рифмованной хроники» и др. На базе ГВ в начале XVIII в. были написаны хроника под названием «Описание казацкой войны, то есть казацких бунтов»¹², анонимная краткая хроника, дважды опубликованная во Вроцлаве в 1840 и 1842 гг., перевод которой был издан О. Бодянским и на русском языке¹³, анонимная компиляция конца XVII в.¹⁴, анонимная «Шведская война».

Весьма популярной ГВ была также в России и на Украине в конце XVII — начале XIX в. Так, судя по каталогам библиотек Киево-Печерской лавры и Золотоверхо-Михайловского монастыря в Киеве, созданным в самом начале XIX в., там хранилось не менее трех экземпляров сочинения Твардовского¹⁵. В апреле 1718 г. фрагмент из ГВ, охватывающий события 1648—1651 гг., был переведен на украинский язык писарем лубенского полка Стефаном Савицким¹⁶. Текст ГВ был изло-

жен прозой, сокращен, причем из него оказались изъятыми известия, содержавшие грубые выпады против повстанцев. Данный перевод был известен видному летописцу Самийлу Величко, положившему его в основу своего исторического труда¹⁷. Ученики Величко по заказу летописца создали копию с перевода Стефана Савицкого. ГВ была известна также крупному украинскому мемуаристу Якову Марковичу, который приобрел памятник в 1728 г., украинским летописцам Григорию Грабянке и Стефану Лукомскому. Последний даже создал свой перевод памятника.

Таким образом, «Гражданская война» С. Твардовского представляет собой важный исторический и литературный памятник. Без его привлечения трудно, а порой и невозможно решить вопрос об оригинальности и достоверности информации, сообщаемой целым рядом отечественных и зарубежных повествовательных источников, освещающих историю Освободительной войны.

Хроника Веспасиана Коховского

В. Коховский (1633—1700) — классик польской литературы и историографии XVII в. — происходил из старинного шляхетского рода. Его предки (Коховские герба Нечуй) участвовали еще в Грюнвальдской битве 1410 г. Будущий поэт и историк получил неплохое домашнее образование, в 1646—1651 гг. обучался в известной школе Новодворского в Кракове. Там он получил отличное знание античной литературы, выучил латынь, начал писать стихи. Дебют Коховского как поэта приходится на 1648 г., когда он написал стихотворение на смерть Владислава IV и упомянул о первых сражениях Освободительной войны. В 1651 г. Коховский начинает военную карьеру, становясь «товарищем» гусарской хоругви сандомирского воеводы Мышковского, входящей в состав полка Стефана Чарнецкого. В ее составе Коховский принял участие в битве под Берестечко, и она произвела на него неизгладимое впечатление. В дальнейшем он принимал участие в карательных операциях польско-шляхетских войск на Украине и в освобождении Польши от шведских войск в период «потопа» 1655—1657 гг. В конце 50-х гг. XVII в. Коховский оставляет военное поприще, предпочитая ему хозяйственные занятия и литературную деятельность. В 1659 г. он переезжает в новое имение под Краковом, где начинает собирать материал для хроники, принимает участие Коховский и в политической деятельности, выступая за избрание на польский трон

поляка (Михаила Вишневецкого, затем Яна Собесского), а не иностранца. Его усилия были замечены. Ян Собесский назначил Коховского своим секретарем и придворным историком и даже взял с собой в поход против турецкой армии, осаждавшей Вену в 1683 г.

70-90-е гг. XVII в. были наиболее плодотворными в творческой деятельности В. Коховского-поэта и историка. В этот период он создает несколько книг лирических и сатирических стихотворений: «Время отдыха, посвященное литературе» (1674 г.), «Песни освобожденной Вены» (1684 г.), «Польская псалмодия» (1695 г.), несколько сочинений религиозного характера. Поэзия Коховского, испытавшая на себе огромное влияние Горация, Марциала, Овидия, Сенеки, М. Рея, Я. Кохановского, С. Твардовского, в свою очередь произвела большое воздействие на польскую литературу второй половины XVII — начала XVIII в.¹⁸ Был известен Коховский в России, Белоруссии, на Украине. Так, его творчество оказало влияние и на некоторых поэтов Киево-Могилянской академии (Парфений Родович, Варлаам Новицкий).

Значительно большую популярность приобрела фундаментальная латиноязычная хроника В. Коховского под названием «Польские анналы от смерти Владислава IV».

Отметим, что ряд стихотворений Коховского были посвящены событиям Освободительной войны, например: «Корсунское поражение», «Древняя битва под Каннами, возрожденная в 1648 г. во время бегства под Пилявцами», «Аполлон воспекает Берестецкую битву», «Надгробие мужественным солдатам, погибшим с гетманом Калиновским на батогских полях», «Батогское поражение», «Богдану Хмельницкому», «Смелый Хмель», «Зерцало похода против татар, предпринятого Сирком и калмыками» и т. д. Данные произведения были подробно рассмотрены известным отечественным историком В. Н. Петцем¹⁹.

Делом жизни В. Коховского явилась его фундаментальная хроника, носящая название «Польские анналы от смерти Владислава IV»²⁰. В ней излагалась история Польши от смерти Владислава IV до смерти Михаила Вишневецкого в 1673 г. При написании своего труда Коховский исходил из учения некоторых античных авторов об определенной цикличности в развитии живых организмов, согласно которому через каждые 7 лет в них происходят качественные изменения. Это положение Коховский применил к истории Польши и к тому же придал ему религиозную окраску. По мнению хрониста, через

каждые 7 лет на Польшу обрушивалось какое-либо «бедствие»: в 1648 г. — восстание на Украине, в 1655 г. — «потоп», 1662 г. — волнения конфедератов, а затем события, связанные с отречением «неспособного правителя» Яна Казимира. Исходя из данной схемы, Коховский выделил для каждого из периодов («климактеров») отдельный том своего труда. Первые три тома, освещавшие время правления Яна Казимира, были изданы в Кракове в 1683, 1688 и 1698 гг. Четвертый том остался в рукописи и был издан лишь в 1853 г.²¹

В XVIII в. литовский иезуит Шимон Забелло (1750 — 1824) перевел хронику Коховского на польский язык, произведя многочисленные пропуски, сделав вставки, в которых восхвалялись Сапегы, и т. д. В 1840 г. Э. Рачинский издал эту рукопись, в которой освещались события 1648—1668 гг.²², не догадываясь, что имел дело с переложением «Польских анналов». Точно так же поступил Э. Вуйцицкий, опубликовавший хронику событий 1608—1653 гг. по анонимной рукописи, куда вошел и сокращенный перевод «Польских анналов» за 1648—1653 гг.²³ Позже Рачинский установил, какой памятник он опубликовал на самом деле, и в 1859 г. предпринял новое его издание, на сей раз с указанием фамилии Коховского в заглавии²⁴. Это издание было активно использовано Генриком Сенкевичем при написании исторической трилогии («Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский»). Огромный успех, выпавший на долю сочинений Сенкевича, несмотря на весьма реакционное освещение Освободительной войны в первой части трилогии, во многом воспроизводящее идеи В. Коховского, привел и к росту интереса к «Польским анналам». И сама по себе, и в связи с трилогией Г. Сенкевича хроника Коховского с тех пор постоянно находится в поле зрения историков, особенно польских.

Отрывки из памятника, относящиеся к истории разгрома польско-шляхетских войск под Винницей в феврале—марте 1651 г., под Монастырищем в марте 1653 г., были изданы в переводе на украинский язык²⁵. В 1966 г. часть хроники (изложение событий 1655—1657 гг.) в несколько сокращенном виде была опубликована коллективом исследователей из ПНР²⁶.

При написании своего труда Коховский использовал значительное количество разнообразных источников: сочинения античных авторов, например Геродота, Тита, Ливия, Тацита, Саллюстия, польско- и латиноязычные хроники XVII в. И. Пастория, П. Пясецкого, Х. А. Тульдена, Лоценя, А. Кордецкого, труды К. Стеллановича, А. Ольшанского, Жижков-

ского, рукописи Марцина Голинского, Адама Бискупского, Павла Коноядского, «летучие листки» и даже древнерусские летописи. Наиболее интересны сведения, почерпнутые Коховским из документов королевской канцелярии, куда он как официальный историограф имел свободный доступ, из собственных воспоминаний, свидетельств очевидцев, например ответ осажденного гарнизона Каменца от 17.VI 1652 г., из неких «диариушей», писем и др. В этих сведениях содержится немало оригинальной информации. Правда, следует учитывать, что Коховский, следуя своему духовному отцу Титу Ливию, иногда вкладывал в уста действующих лиц своей истории речи, которые те никогда не произносили. Это, например, можно отнести к антитурецкой речи Б. Хмельницкого.

Хронист был сторонником сильной королевской власти, хотя и с сохранением многих шляхетских вольностей. Коховский, правда, резко критиковал злоупотребление вольностями, небезосновательно усматривая в них важную причину анархии, ослабления Речи Посполитой перед лицом внешних и внутренних трудностей. Хотя основным объектом истории Коховский считал правящий класс Польши, уделял особое внимание действиям королей и полководцев, но все же высшей инстанцией в земных делах для польского хрониста была воля божья. Именно вмешательство бога, по мнению Коховского, спасло Речь Посполитую от серии поражений после Батогской битвы 1652 г. Провиденциализм, религиозность Коховского сказываются и при определении причин Освободительной войны, среди которых первое место он отводит религиозной вражде между православными и католиками. Правда, в целом изображение событий в хронике носит светский характер, и освещается в ней главным образом ход военных действий. Следует отметить, что иногда Коховский затрагивает вопросы социально-экономического порядка и проявляет при этом недюжинную проницательность. Так, характеристика, данная им режиму жестокого феодального гнета, установленного правящим классом по отношению к широким слоям украинского народа, давно стала хрестоматийной.

В. Коховский был типичным представителем правящего класса Речи Посполитой и события Освободительной войны оценивал с этих позиций. В соответствии с официальными установками Коховский преувеличивал победы карателей, преуменьшал их поражения, апологетизировал деятельность Е. Любомирского, Стефана Чарнецкого, Яремы Вишневецкого и других предводителей польско-шляхетских войск. Так, о князе Вишневецком хронист писал как о «смелом вожде», «при-

ятном пане», «славное имя которого» привлекало многих. Коховский восхвалял даже такую одиозную фигуру, как известного палача украинского народа С. Лаца о котором с отвращением писали даже некоторые шляхетские авторы, например И. Ерлич, весьма враждебно настроенный по отношению к Освободительной войне.

Тенденциозность хрониста проявляется буквально на каждом шагу в сообщении о повстанцах, когда он заговаривает о них. Такие слова и выражения, как «чернь», «разнузданное хлопство», «многоголовая гидра» и прочее, не сходят с языка Коховского. Несколько по-иному хронист оценивает предводителей восставшего народа. Так, Б. Хмельницкого хронист называл «тираном», «Аттилой», даже «украинским Спартаксом», хотя и в это сравнение вкладывал негативный смысл, намекая на «бунт» Спартака против Рима. Не случайно известный дореволюционный исследователь М. А. Максимович отмечал, что Б. Хмельницкий в «польских писаниях весь забрызган чернильными пятнами, даже с классического пера Коховского»²⁷. Но все же в некоторых случаях хронист вынужден был воздать должное высокому боевому духу народной армии, отзывался о Б. Хмельницком в одном случае как о Ганнибале, о М. Кривоносе — как «смелом и отважном воине», о Даниле Нечае — как «отважном человеке». Особенно часто звучат в устах Коховского похвалы знаменитому полковнику казацко-крестьянского войска Ивану Богуну. Хронист называет его «человеком опытным во всех военных случаях, и, что редко сочетается в одном лице, — умным и удачливым», «сильным и хитрым», неоднократно приводя сообщения, свидетельствующие о мужестве и военных доблестях этого видного сподвижника Богдана Хмельницкого²⁸.

Таким образом, при всех недостатках, вытекающих из словесной ограниченности В. Коховского, его тенденциозности, не критического отношения к источникам, созданным в лагере феодально-католической реакции, в его хронике содержится ценная информация о многих событиях Освободительной войны. Кроме того, оценки и положения «Польских анналов» — блестящего литературного произведения — во многом стали эталоном для последующих поколений польско-шляхетских и даже буржуазных историков. Хроника В. Коховского была известна не только в Польше, но и за ее пределами. Так, использовали ее белорусские летописцы Аверка и Панцырный²⁹, украинский летописец Григорий Грабянка, труд которого в свою очередь получил огромную популярность и оказал сильное влияние на целый ряд произведений украин-

ской историографии XVIII в., таких, как «Краткое описание Малороссии», «Летописец» Василия Рубана, сочинение Петра Симоновского и др. Многие сведения из «Польских анналов» были использованы также известным немецким историком конца XVIII — начала XIX в. И. Энгелем. Думается, что давно назрела необходимость издания в переводе на русский или украинский язык наиболее важных фрагментов хроники В. Коховского — ценного источника по истории Освободительной войны.

«Польская история» Яна Лаврентия Рудаковского

Я. Л. Рудаковский (1617—1690) родился в Варшаве в семье юриста, секретаря Владислава IV. Последний возвел отца будущего хрониста за его заслуги в шляхетское звание. Мать Я. Рудаковского происходила из немецкого рода Гизе (из Франконии). Ее дальним родственником был известный полковник немецких наемников Константин Гизе, «отличившийся» в карательных операциях против повстанцев в период Освободительной войны.

Я. Рудаковский провел молодые годы в Вармии, где проживало тогда немало немцев, и это обстоятельство, как и происхождение будущего хрониста, оказало определенное влияние на его политические и исторические взгляды в зрелом возрасте. Обучаясь в иезуитской коллегии, Рудаковский получил блестящее знание латыни и права. В 1648 г. он стал варминским каноником. Во время «потопа» покидает Польшу и переходит на службу к австрийским Габсбургам, перед которыми преклонялся всю жизнь. Он обосновывается в Чехии, где и пребывает до конца дней своих, занимая должности оломоуцкого каноника, меджиречского декана. Здесь Рудаковский приступает к активной творческой деятельности. Уже в 1657 г. он издает в Вене «Печальный панегирик» на смерть императора «Священной Римской империи» Фердинанда III, а в 1660 г. — «Реестр гражданского и политического права»³⁰. Тогда же он завершил свою фундаментальную «Польскую историю от смерти Владислава IV до Оливского мира», написанную по-латыни. Один список памятника оказался в дальнейшем в Венской императорской библиотеке, другому суждена была большая известность. В 1720 г. список был передан наследниками хрониста князю Ю. Чарторыйскому, а от него рукопись попала к князю Я. Вишневецкому. Последний передал ее в библиотеку Залусских. Когда же она оказалась в Петербурге, хроникера издал Л. Мицлер де Колоф в 1755 г. С этого печатного текста В. Спасович сделал в 1853 г.

не вполне точный перевод на польский язык и несколько позже издал его³¹. Переводчик снабдил издание довольно подробным введением, где охарактеризовал биографию хрониста и некоторые особенности его мировоззрения.

«Польская история» Я. Рудавского была написана им специально для иностранцев, прежде всего для императора «Священной Римской империи» Леопольда I (1657—1705) и его ближайшего окружения. Автор поставил своей целью продолжить освещение истории Польши, начатое П. Пясецким, и описать правление Яна Казимира. Для этого он привлек большое количество источников, особенно документальных, многие из которых полностью или частично были процитированы на страницах «Польской истории». Достаточно сказать, что при изложении событий 1648—1654 гг. хронист приводит тексты более 70 документов, в том числе письма и универсалы Яна Казимира, Фердинанда III, римского папы Иннокентия X и его нунция И. Торреса, послания и речи представителей различных европейских монархов, польских сенаторов, постановления сеймов и сеймиков, материалы дипломатического характера («инструкции» и «кондиции», условия мирных договоров, например Зборовского и Белоцерковского). Особо следует отметить включение Рудавским в текст хроники более 10 писем и речей Хмельницкого. Часть из них представляет собой уже известные по иным спискам документы гетмана, часть же до сих пор известна лишь благодаря хронике Рудавского³². Цитируются или пересказываются и послания, направлявшиеся Б. Хмельницкому Яном Казимиром, И. Радзеевским и другими³³, причем подробно излагаются обстоятельства появления на свет каждого из документов. Прибегал Рудавский и к историческим сочинениям польских авторов XV—XVII вв. (Я. Длутоша, П. Пясецкого, Э. Вассенберга, А. Кордецкого), особенно когда стремился подробнее рассказать иностранцам об историческом прошлом Польши, об особенностях ее государственного устройства; ссылался он и на античных авторов (Луция Анния Флора, Тацита, Овидия, Лукиана)³⁴. Использовались им и иные источники. Так, автор приводит «изданную в Регенсбурге декларацию» А. Тшебицкого — посла Речи Посполитой в Австрию. В ином случае, процитировав документ, Рудавский отмечал: «Я переписал дословно письмо шведского короля к императору Фердинанду III», имея в виду послание Карла X от 18.VII 1657 г. Используя королевский универсал 1652 г., хронист добавлял: «Несколько экземпляров этого (универсала) и сегодня можно прочесть». Процитирован был в хронике и манифест И. Рад-

зеевского в том виде, «в каком он вышел из-под печатного пресса»³⁵. Ссылаясь на свои источники о Батогской битве, Рудавский писал: «...я сам имею противоречивые о ней реляции, но приведу ту, которую почитаю наиболее достоверной. Она содержится в письме краковского бискупа, ксендза Северского к жене князя Островского (Острожского. — Ю. М.), писанном в тех же днях июня 1652 г.»³⁶ Критикуя разглашение государственных тайн в феодальной Польше, автор с возмущением писал, что он сам видел, как постановления сеймов (конституции) «публично продавали в Париже, и слышал, что их можно купить и в Царьграде»³⁷. Неоднократно в хронике приводятся ссылки на свидетельства очевидцев, личные воспоминания, иногда автобиографического порядка, предсказания астрологов (Стефан Фурман, Н. Жоравский и др.), слухи

В ряде случаев Рудавский опускает ссылки на источники, но из сопоставления текстов можно сделать вывод об использовании официальной реляции о битве под Берестечко, донесения о битве под Красным, «Секретного дневника» А. Мясковского о боях и переговорах под Белой Церковью 1651 г. и некоторых других. Из сочинения Мясковского были заимствованы тексты отдельных документов Б. Хмельницкого³⁸. Таким образом, подтверждаются заверения хрониста в том, что при написании своего труда он использовал «по возможности советы живых свидетелей, добавил документы, осветил причины и следствия событий»³⁹. Источниковая база хроники является весьма солидной, даже если учесть, что в распоряжении у мало-мальски просвещенного шляхтича могли сосредоточиваться целые комплексы копий документов, примером чего служат «памятные книги» Якуба Михаловского и Станислава Медекши⁴⁰. Свои источники хронист получал через посредство друзей отца, который до 1640 г. был секретарем Владислава IV, позднее отчима—лотарингского дворянина Филиппа Хуттена, который был секретарем Яна Казимира, через своих знакомых при венском дворе и т. д. Следует отметить, что «Польская история» создавалась через 20 лет после окончания Освободительной войны, и потому в воспоминаниях очевидцев заметны многие неточности. Так, Б. Хмельницкому приписывалось мещанское происхождение, его второй брак был отнесен к весне 1649 г., а не к августу 1651 г. и т. д. Однако причина более важных неточностей и искажений коренится в том, что, будучи представителем правящего класса, Рудавский некритически усваивал весьма тенденциозную информацию об Освободительной войне, содержащуюся в документах, вышедших из враждебного ей лагеря. Естественно,

не следует обольщаться заверениями Рудавского в том, что история будет излагаться им «не по измышлениям поэтов, не насыщенным стилем риториков, но в голóм образе происходившего..; буду описывать события так, чтобы ничего не сказать лишнего и ничего правдивого не пропустить»⁴¹.

В духе типичных для польско-шляхетской историографии XVII в. представлений Рудавский трактует Освободительную войну как «бунт» и враждебно относится к повстанцам, особенно к народным низам. Достаточно упомянуть о характеристиках Б. Хмельницкого, которого хронист называет «бунтовщиком», «вожаком», «наглым и мятежным казаком», «новым Тамерланом», хотя иногда мелькают выражения иного порядка например, «многоопытный». Д. Нечая Рудавский называл «известным вожаком, неукротимым в бунте», вождя антифеодального восстания в Польше 1651 г. Наперского — «чорштынским чудовищем» и т. д.⁴² О казацких послых, прибывших в Варшаву в 1652 г., Рудавский отбъвался следующим образом: «неизящно одетые, с дикими лицами, хоть и (прибыли) якобы для извинений, но неизмеримо горды»⁴³.

Свой отпечаток на хронику наложили и религиозные убеждения Рудавского — фанатичного католика, что сказалось в тяготении к провиденциализму. Несмотря на заверения в объективности, Рудавский не прочь умолчать о каком-либо нежеланном для него событии. Так, почти полностью опущенной оказалась история Жванецкой битвы, в которой лишь измена крымского хана спасла коронное войско и самого короля от катастрофы. Обвиняя повстанцев в неслыханном преступлении — казни Рафала Смяровского (королевского посла к Хмельницкому), — хронист умалчивает о том неоспоримом факте, что Смяровский был еще и агентом, пытавшимся во время своего пребывания в Чигирине организовать убийство Б. Хмельницкого, подкупив кое-кого из окружения гетмана⁴⁴.

Отметим, что исторические воззрения Рудавского имеют свою специфику. Прежде всего она связывалась с его принадлежностью к «австрийской партии» в Польше, с неприятием хронистом анархических порядков магнатско-шляхетской Речи Посполитой, где «столько королей, сколько и панов, которые... правят ею как хотят». Автор едко высмеивает недееспособность сеймов, анахроничный механизм их действия, обрушивается на усобицы магнатов, «стремящихся не подчиняться, но повелевать», из-за чего, по мнению хрониста, стали возможны многие поражения польско-шляхетских войск.

Хронист сатирически изображает заносчивую польскую шляхту — «героев-троянцев, которые хотели удержать на своих плечах небо со звездами, но (вместо этого) задыхались от бегства и еле вздохнули в Варшаве, а кто — в Кракове, за Вислой»⁴⁵.

Глубоко ошибочной хронист считал политику правительства Польши по отношению к казачеству, которое, по его убеждению, было предназначено богом для борьбы против турецко-татарских захватчиков. Здесь автор делает экскурс в прошлое, освещает историю казачества, резко осуждает Сигизмунда III, восхваляет Стефана Батория и особенно Владислава IV, планировавшего проведение войны против Османской империи. При этом Рудавский верно отметил, что казачество составили «русинские простолюдины, лишённые всего и не находящие нигде безопасности». Далее он даже высказал ошибочную мысль о том, что «храбрые казаки», если бы им не препятствовали совершать походы против Османской империи и Крымского ханства, не восстали бы против Речи Посполитой. Хотя Рудавский много говорит о жестокости казаков, их склонности к грабежу, все же он отдаёт себе отчет в истинных причинах Освободительной войны и считает такими недалёковидную политику правительства Речи Посполитой, анархию, произвол феодалов на Украине. Автор неохотно признаёт, что украинский народ поддержал Б. Хмельницкого как «отца отечества, восстановителя (православной) религии и старых вольностей». Хронист прекрасно осознавал значение Освободительной войны, утверждая что она явилась самым грозным испытанием для Речи Посполитой, «божьей карой», подчеркивает триумф восставшей «Руси», возвращающей «свои старые земли, отодвигающей границы Польши вплоть до Вислы»⁴⁶.

Подробно освещая ход Освободительной войны, особо осанавливаясь на Берестецкой битве и переговорах под Белой Церковью, Рудавский часто даёт свою трактовку событий, иногда резко отличающуюся от официальной. Так, вопреки заверениям официальных кругов, хронист отказывается принимать версию о Берестецкой битве как катастрофе для повстанцев. Он сокрушается о «выскользнувшей» из рук победе, уходе ночью повстанцев из осажённого лагеря: «Думаю, что (даже) в последующих веках будет оплакивать Речь Посполитая ошибку этой ночи, от которой зависела гибель нашей страны или победа. В одно мгновение было утрачено из-за неосмотрительности то, что готовили мужество и мудрость стольких мужей»⁴⁷. Рудавский признаёт также блестящий

дипломатический успех Б. Хмельницкого в ходе переговоров под Белой Церковью, считает виновником нарушения Зборовского мира лишь польскую шляхту, без особых выпадов упоминает о воссоединении Украины с Россией. Хронист не стеснялся выразить особую точку зрения, расходящуюся с официальной, тем более, что тогда он находился вдали от Варшавы, за пределами Польши.

Иногда Рудавский вступает в противоречие с самим собой. Рассказывая о гибели Т. Хмельницкого в Сучаве, он негативно отзывался о гетмане: «Русинское духовенство из лести провозгласило его мучеником, а я бы назвал его неотесанным, глупо-жестоким и отличающимся лишь физической силой юнаком». Однако в другом случае он высоко отзывался о военных талантах старшего сына Б. Хмельницкого: «Тимофей одной лишь славой своего имени разгромил неприятелей и в триумфе вступил в крепость (Сучаву). Он был более счастлив, чем Цезарь; пришел, победил, даже не увидев неприятеля»⁴⁸.

Следует отметить, что Рудавский⁴ пытался связать свой труд с лучшими образцами античной историографии. Не случайно, в подражание античным образцам, автор обильно уснастил хронику древнегреческими и древнеримскими именами и образами, даже и там, где они не вполне уместны, например: «янычары — это дикая преторианская стража султана». Не чуждался автор и более свежих аллегорий, сравнивая, например, хорошо укрепленную Умань со знаменитой Бредой⁴⁹. Следует отметить и высокие литературные достоинства памятника, его яркий язык, оригинальные характеристики и сравнения. Об этом свидетельствует, например, обыгрывание названия Желтые Воды, сходное с тем, какое провел неизвестный создатель Хмельницкой летописи: Желтые Воды «вскоре должны были (после битвы) изменить свой цвет от крови поляков, как когда-то *Agua Sextiae* от погрома тевтонов»⁵⁰.

Таким образом, хроника Я. Рудавского представляет собой одно из наиболее солидных сочинений в польско-шляхетской историографии Освободительной войны, представляющее большую ценность и как источник и как памятник исторической мысли и литературы.

Рифмованная хроника

Название данной хроники⁵¹, написанной стихами в 80-е гг. XVII в., является условным. Дело в том, что не сохранилось ни начала, ни конца рукописи, отсутствуют указания и на

имя автора. Им был, несомненно, польский шляхтич, глубоко верующий католик, который принимал участие в карательных операциях против антифеодалных и освободительных движений украинского народа 40—70-х гг. XVII в., и в первую очередь против Освободительной войны 1648—1654 гг. Неизвестный автор был, вероятно, жителем Подолья. Ему довелось бывать в Риме, принимать участие в Берестецкой битве, находясь под командованием М. Калиновского. В начале 1657 г. неизвестный автор в составе войск Ст. Лянцкоронского воевал против шведских войск, занявших Варшаву. В 50—70-х гг. XVII в. он служил в частях каменецкого каштеляна Петра Потоцкого. Около 1660 г. хронист вместе с Потоцким едва не попал в руки Чуйко — предводителя сотни восставших крестьян, громивших польскую шляхту на Подолье.

Автор «Рифмованной хроники» (далее — РХ) был человеком образованным, хорошо знающим Ветхий и Новый Завет, исторические хроники М. Кромера и С. Твардовского, мемуары паломника в Иерусалим XVI в. князя М. К. Радзивилла («Сиротки»), гербовники, астрологические сочинения и даже древнерусские летописи. Автор РХ хорошо владел не только польским, но и латинским, украинским языками. Он использовал в отдельных случаях украинские слова, пословицы, отрывки из песен⁵². Так, рассказывая о поражении польско-шляхетских войск под Батогом, автор добавляет: «Батог, то есть бич божий. Так переводится с русского языка»⁵³. Как и большинство хронистов XVII в., автор РХ наряду с терминами «Украина», «украинцы» употреблял термины «Русь», «русские».

Следует отметить, что знание украинского языка даже высшими представителями правящего класса Речи Посполитой не было чем-то исключительным. Достаточно сказать, что украинским языком свободно владели польский король в 1669—1673 гг. Михаил Вишневецкий и его преемник Ян Собесский. Последний часто требовал от своих музыкантов сыграть ему на бандуре и спеть «казацкие думы». Жена Яна Собесского Мария-Казимира, француженка по происхождению, любила украинские танцы и даже во время своего пребывания в Венеции в 1698 г. устроила концерт с их исполнением. Дочь Яна Собесского Тереза-Кунигунда, электорка Баварии в 1694—1730 гг., любила украинские мелодии⁵⁴.

Центральное место в РХ занимает история Освободительной войны. Ей было уделено 100 страниц текста, в то время как значительно большему периоду (1655—1672 гг.) было отведено около 200 страниц. Изложение событий в сохранившейся

ся части памятника начинается с описания событий, последовавших после Корсунской битвы. Видимо, утраченное начало памятника содержало в себе рассказ об этих двух сражениях.

При описании Освободительной войны автор РХ использовал, по всей вероятности, «Войну скифо-казацкую» И. Пастория и хронику С. Твардовского. Подавляющее большинство свидетельств РХ было почерпнуто из иных источников: писем польских шляхтичей, свидетельств участников событий, авторских воспоминаний. Так, РХ сообщает, что в прорубях, устроенных И. Богуном на р. Буг в марте 1651 г., погиб ротмистр Мелешко, а польного гетмана Калиновского едва сумел вытащить за «чуприну» некий шляхтич. Эту информацию уточняет письмо неизвестного шляхтича с сообщением, что «утонули Кисель, староста черкасский и г. Мелешко, стольник новгородский». Наиболее точен рассказ об этом событии А. Мясковского: «...погиб не только Мелешко, но и еще 16 шляхтичей, а Калиновского вынес из проруби его сильный конь»⁵⁵.

Особый интерес вызывает использование автором РХ в некоторых случаях информации, полученной из крестьянско-казацкого лагеря, от пленных повстанцев, от полковника О. Гоголя, которого автор знал лично в 60—70-х гг. XVII в.⁵⁶. Были в распоряжении создателя РХ и некоторые документы, принадлежавшие перу Б. Хмельницкого и его сподвижников. В результате использования создателем РХ богатой и разнообразной источниковой базы в РХ оказались зафиксированными многие оригинальные и важные известия по истории Освободительной войны. Из них следует отметить комплекс сведений о борьбе крестьянско-казацких отрядов против карателей на территории Подолья. Внимание автора привлекают действия отрядов полковника Неминкорчмы — предводителя городской бедноты, Олександренко и особенно Остафия Гоголя, который в конце 40—70-х гг. XVII в. занимал высшие посты в поднестровском, подольском и кальницком полках, а также «кума» Гоголя — Кияшко. Подробно описывается борьба повстанцев против карателей Ст. Лянцкоронского, в частности разгром шляхетских отрядов в с. Лютом, близ Кацмазова. После рассказа о поражении 2 тыс. повстанцев, оборонявших местечко Лучинец, автор РХ приводит сведения о начале военных действий О. Гоголя — предка великого писателя Н. В. Гоголя. Автор РХ отрицает шляхетское происхож-

дение О. Гоголя (Гоголя)* и считает его бывшим овцепасом. Согласно РХ, последний собрал 15 человек из числа казаков, оборонявших Лучинец, и создал из них ядро будущего полка. Вместе с Гоголем, «стражником подольским» повстанцев, в борьбу против поработителей вступил Кияшко, который вел партизанские действия между Брацлавом и Шаргородом. Затем оба руководителя повстанцев «образовали свою «колонию» в Могилеве-Подольском и даже взимали здесь пошлины с купцов. По признанию автора РХ, описание подвигов Кияшко (здесь слово «подвиги» дано без кавычек) заняло бы «целый том бумаги», и потому он привел лишь три примера его дерзких операций: разгром отряда ротмистра Суловского и пленение последнего, взятие Кутковского замка, захват местечка Будзанов. Упоминается и об участии Кияшко в обороне г. Стена в 1654 г., где он был ранен саблей в челюсть⁵⁷. Приводятся в РХ и факты, свидетельствующие об активных действиях повстанцев-левенцов из Могилева-Подольского и опрышков в 1651—1652 гг. Рассказав о Батожской битве, автор указывает, что Б. Хмельницкий поручил О. Гоголю очистить Подолье от польской шляхты, а тот препоручил это «наибольшему сорвиголове» — левенцу Корпану⁵⁸. Последний также возглавил борьбу народных масс Поднестровья против карателей Кондрацкого. Имеется в РХ также подробное описание обороны г. Буши в 1654 г., которое содержит детали, неизвестные по другим источникам. Во главе обороны города, согласно РХ, стояли полковник Махачинский, а также полковник Зеленецкий (Зеленский? — Ю. М.), сотник Гречко. Говорится и о действиях в этот период отрядов крестьянско-казацких «ва-тажков» — Редьки, Рыбки и Хрина⁵⁹.

Весьма ценными являются также данные РХ, освещающие почти совершенно неизвестные биографии активных участников Освободительной войны. Так, говорится, что фамилия полковника И. Богуна «происходит от реки Буг». Интересно, что народные предания, зафиксированные еще в дооктябрьский период крупнейшим деятелем украинского театра А. К. Саксаганским в Виннице, подтверждают это. Не случайно Саксаганский даже изменил написание фамилии полковника на «Бугун», хотя в XVII в. реку называли не только «Буг», но и «Бог».⁶⁰ Ротмистр Н. Зацвилюховский назван «кумом» Б. Хмельницкого. В РХ встречаем также самое раннее упоми-

---

* Представители враждебного Освободительной войне лагеря вообще неохотно признавали участие шляхты, даже православной, в борьбе против Речи Посполитой.

вание о деятельности И. Сирко, который еще в 1653 г. громил в «диких полях» ордынцев, возвращающихся после Жванецкой битвы домой вместе с невольниками, захваченными на Волыни и Подолье⁶¹. Сообщается также, что переяславский полковник П. Тетеря, в дальнейшем изменивший делу Б. Хмельницкого, был «кумом» Стефана Чарнецкого, что проливает свет на некоторые аспекты его деятельности в качестве гетмана Правобережной Украины в 1662—1667 гг.⁶²

Наконец в РХ содержится большое количество оригинальных известий, позволяющих более точно восстановить ход того или иного события. Характеризуя королевское войско под Берестечко, автор уточняет состав наемных частей и указывает, что в их рядах несли службу «немцы, испанцы, французы, шведы, англичане, пруссаки, силезцы, баварцы»⁶³. Вынужден отдать должное автор РХ и «славному полковнику» Д. Нечаю, «дерзкому в войнах» И. Богуну, «отважному Кияшко»⁶⁴.

Будучи представителем правящего класса Речи Посполитой, автор РХ разделял реакционные воззрения на природу антифеодальной и освободительной борьбы народных масс, считал Освободительную войну «диким и кровавым» «бунтом черни» против господ. Отсюда — описание повстанцев черными красками, объявление их слугами антихриста и т. д. Так, Хмельницкий именуется в РХ «дьяволом», «Иудой», «великим своевольником и тираном», полковник Ф. Джеджалий — «Понтием Пилатом» и т. д.⁶⁵ Победы королевских войск обычно преувеличивались, а победы повстанцев преуменьшались или замалчивались. Не случайно Берестецкая битва была описана в РХ на 22 страницах, а победам казацко-крестьянского войска под Батогом и Жванцем было отведено всего по 2 страницы. Весьма тенденциозно описывается великий акт воссоединения двух братских народов — русского и украинского, и свою враждебность к решениям Переяславской Рады создатель РХ даже и не пытался скрыть⁶⁶. Вышеотмеченные черты воззрений создателя РХ во многом совпадают с исторической концепцией В. Коховского, отличаясь разве что большим провиденциализмом. Снижает достоверность РХ и чрезмерно «олитературенное» изложение в ней исторических событий, хотя автор РХ обладал незаурядным литературным дарованием. Наконец в РХ встречаются неточности, которые характерны практически для всех мемуаров и хроник, поскольку их породили ошибки памяти, непроверенная информация и т. д. Все это негативно сказалось на степени полноты и достоверности информации РХ. Тем не менее «Рифмован-

ная хроника» сохраняет вполне свое значение как ценный исторический источник и памятник историографии XVII в.

Компиляции Марцина Голинского

М. Голинский (начало XVII в. (?) — после 1672 г.) был райцей г. Казимира, входящего ныне в черту Кракова. Он создал несколько компиляций, включавших в свой состав материалы преимущественно по истории Речи Посполитой. При этом Голинский использовал крупные фрагменты из польских хроник XVI—XVII вв. М. и И. Бельских, А. Гваньини, Л. Гурницкого, П. Пясецкого, М. Стрыйковского и др. Сочинениями античных авторов, несмотря на частые ссылки на них, Голинский не располагал, заимствуя их из вышеупомянутых польских хроник. Весьма часто автор прибегал к дневникам Т. Шемберка, Пр. Збигневского и др., «летучим листкам». В распоряжении Голинского было и немало документов, которые тщательно копировались, а иногда, как в случае с печатными королевскими универсалами, просто вклеивались в рукописи. Именно документальные материалы, летописные записи, вносимые автором обо всем важном из виденного и слышанного, и составляют наибольшую ценность компиляций Голинского.

Основная часть наследия М. Голинского хранится во вроцлавском «Оссолинеуме». Здесь находятся оригиналы его «Книги, в которой заключаются различные истории» (1658 г.)⁶, и двух компиляций, не имеющих определенного названия⁶⁸. К сожалению, одну из последних (189 II), так же как и копию с нее, хранившуюся в ЛБАН УССР (№ 44184), нам не удалось использовать. Правда, два документа из последней и два пространных отрывка, в которых речь шла о восстании Наперского, о связях последнего с Б. Хмельницким, были опубликованы в переводе на русский язык⁶⁹. Известны и еще две родственные компиляции М. Голинского (в списках). Одна из них — «Термината различные. Описание двух Скифий... 1649 г.», в которой излагается история турок и татар, — была переписана в конце XVII в.⁷⁰ Около 1700 г. она была использована при составлении нового сборника, состоящего из компиляций Голинского, причем «Термината» вошла сюда полностью⁷¹.

Отметим, что в «Терминате» лишь вскользь говорится об Освободительной войне; упоминается о Корсунской, Збаражской и Зборовской битвах; Б. Хмельницкий и повстанцы обвиняются в том, что в 1648—1649 гг. они трижды поднимали татар на войну против Польши. Отметим лишь одну фразу Го-

линского о потерях польско-шляхетского войска под Зборовом⁷². В компиляции из ЛБАН, помимо «Терминаты», помещено также «Описание польских королей» с 550 до 1673 г. Здесь говорится о таинственных знаменьях, которые якобы предвещали смерть Владислава IV и начало Освободительной войны. Так, огненный меч, который будто бы виден был в небесах над Краковом, предвещал «суровую войну и несчастья от казацкого и татарского меча». Содержатся также краткие упоминания о кампании 1649 г., причем отмечается количество вышедших после осады из Збаража карателей — 11 тыс. человек. Явно преувеличенными выглядят сведения о численности войск повстанцев и татар в Збаражской битве: соответственно 100 и 300 тыс.⁷³ Более важным является известие, в котором перечисляются земли, отпавшие от Речи Посполитой в 50-е гг. XVII в., и о воссоединении Украины с Россией («3 февраля 1654 г. Богдан Хмельницкий, казацкий запорожский гетман, поддал город и замок Киев московскому царю и сам с казаками поддался и учинил присягу быть в вечном подданстве московскому царю»)⁷⁴. Следует отметить, что Голинский враждебно относился к Освободительной войне и поэтому тенденциозно изображал Б. Хмельницкого как «бунтовщика хлопов и казаков, предателя Речи Посполитой». Здесь же приводились несколько интересных писем и «новин» за 1648—1651 гг., а также известный «Титул, данный Хмельницкому англичанами»⁷⁵.

Рассказы об Освободительной войне помещены в компиляциях под № 187 II и 188 II из отдела рукописей «Оссолинеума». Отметим также, что в одной из них помещен также оригинальный рассказ о крестьянско-казацких восстаниях первой половины XVII в.⁷⁶ Рассказ об Освободительной войне в «Книге...» особого интереса не представляет⁷⁷, зато в рассказе иной компиляции встречаются небезынтересные детали⁷⁸.

Таким образом, представляется, что мнение ряда историков о большом значении компиляций М. Голинского как источника по истории Освободительной войны является преувеличенным. Вместе с тем необходимо учитывать, что эти компиляции использовались в качестве источника Ст. Освенцимом — создателем известного дневника⁷⁹, В. Коховским и некоторыми другими авторами второй половины XVII в.

Хроника Самуила Грондского

С. Грондский (20-е гг. XVII в. — после 1672 г.) происходил из польского шляхетского рода герба Равич, обосновавшегося на западноукраинских землях. Будущий хронист получил от-

личное образование, изучил право, знал не только польский, но и украинский, латинский, шведский и венгерский языки. Достигнув совершеннолетия, Грондский некоторое время служил в кварцяном войске, затем обосновался в своей «маетности» (с. Фалиевке). В годы Освободительной войны и позднее Грондский подвизался на дипломатическом поприще, в частности, присутствовал вместе с польским послом Любовидзким на переговорах с Б. Хмельницким под Львовом в конце октября 1655 г. Интересно, что Грондский подробно описал эти переговоры на страницах своей хроники и привел знаменитую басню об уже и хозяине, рассказанную гетманом в качестве иллюстрации состояния украинско-польских отношений того периода⁸⁰. С самого начала «потопа» Грондский, как и многие другие представители правящего класса Речи Посполитой, перешел на сторону Карла X Густава, но в отличие от большинства из них продолжал верно служить шведскому королю и его союзникам и после 1657 г. Весной 1656 г. Грондский ездил по поручению шведского короля в Чигирин с целью заключения союза с Б. Хмельницким. После этого гетман и его ближайшее окружение посоветовали Грондскому возвращаться к Карлу X Густаву через Трансильванию, тем более что туда же отправлялся представитель Б. Хмельницкого монах Даниил. Видя колебания посла, ему показали письмо, в котором Дьердь II Ракоци, трансильванский князь, заверял гетмана в дружеских чувствах, и тем самым убедили его ехать именно этим путем. При этом было добавлено, что Ракоци не осмелится тронуть посла, «зная, что у пана гетмана еще не зарубцевалась рана из-за смерти Тимоша и придет время, когда он (князь Ракоци) будет наказан». При этом Дьердь II был пренебрежительно охарактеризован как «вояка, воспитанный в запічку». Все это услужливый Грондский рассказал по прибытии в Трансильванию князю Ракоци, его военачальнику Я. Кемени и жупану Ф. Редей. Здесь же ему было предложено перейти на трансильванскую службу, на что Грондский согласился⁸¹. В декабре 1656 г. он уже принимал участие в переговорах в Раднот, в результате которых окончательно оформился союз Б. Хмельницкого с Карлом X Густавом и Дьердем II. В январе 1657 г. последний предпринял поход против Речи Посполитой, и Грондский был назначен в авангард. Трансильванские войска вскоре заняли ряд городов Западной Украины и Польши, причем хронист сыграл при этом большую роль, склонив к капитуляции гарнизоны Львова и Перемышля. После присоединения к войскам Ракоци казацкого корпуса во главе с А. Ждановичем

был взят Краков (28.II 1657 г.). В дальнейшем трансильванского князя стали преследовать неудачи, усилились разногласия между союзниками, и корпус Ждановича покинул князя. Грондский был послан к Ждановичу, чтобы уговорить полковника продолжить совместные действия — но безуспешно. После поражения Ракоци и возвращения его в Трансильванию Грондский становится его секретарем. Эти обязанности хронист выполнял и при преемнике Дьердя II — князе Микшае I Апафи (1661—1690). Последнему Грондский посвятил свой труд «История казацко-польской войны», созданный около 1672 г.⁸², хотя материал к нему подготавливал еще с середины 50-х гг. XVII в.

В хронике Грондского нашли отражение события 1648 — 1672 гг., происходившие на территории Речи Посполитой и соседних государств. При этом большое внимание уделялось и Освободительной войне. Освещая ее, хронист часто расходился в ее оценке с типичными для большинства польско-шляхетских историографов воззрениями, а иногда не скрывал своих симпатий к повстанцам. Это объясняется тем, что Грондский с 1655 г. служил Швеции и Трансильвании, писал за пределами Речи Посполитой, наконец был арианином. Основным источником хроники Грондского была «Война скифо-казацкая» И. Пастория. Она же определила выбор Грондским многих сюжетов повествования и даже названия его труда. Из сочинения Пастория хронист заимствовал описание Желтоводской и Пилявецкой битв, пространный рассказ о ходе восстания в Литве и Белоруссии (1648—1649 гг.), об осаде повстанцами г. Олыка, ряд известий о Берестецкой битве, захвате войсками Я. Радзивилла Киева, заключении Белоцерковского мира. Были также использованы характеристики Владислава IV и Тугай-бея, данные Пасторием, пересказ последним некоторых писем Б. Хмельницкого и А. Киселя⁸³. Использовались и некоторые польские хроники XVI—XVII вв., в том числе компиляции М. Голинского. К ним Грондский прибегал при описании Украины, рассказывая о происхождении казачества, о его реформах, проведенных Стефаном Баторием, о крестьянско-казацких восстаниях под предводительством С. Наливайко, И. Сулимы⁸⁴. Часть известий хроники основывается на воспоминаниях Грондского, а также на слухах. Так, рассказывая о восстании Наперского, хронист упомянул о влиянии этого восстания на соседние земли, имея в виду, вероятно, Словакию. Наконец, Грондский располагал дневниками и письмами, но часть из них получила большую известность в изложении С. Твардовского и В. Коховского. Так, рас-

сказывая о переписке Вишневецкого с князем Ракоци в марте—июле 1649 г., Грондский утверждал, что Вишневецкий, недовольный действиями короля, возглавил магнатскую фронду и вступил в заговор с трансильванским князем⁸⁵. В рассказе о ходе переговоров под Белой Церковью хронист отмечает факты нарушения татарами перемирия. Несмотря на протесты поляков, татары грабили их, приговаривая: «...ляшка братка, але лоша не братка, сукманка не братка»⁸⁶. Перечень подобных примеров можно продолжить.

Таким образом, для историка Освободительной войны хроника Грондского ценна своими оригинальными известиями и тем, что в ряде случаев в ней дается оценка событий, расходящаяся с официальными воззрениями.

Хроника Станислава Темберского

Ст. Темберский (1615—1679), магистр философии, доктор права, длительное время был официальным историографом и профессором краковской академии, королевским секретарем. В 1641—1643 гг. изучал право в Падуе. По возвращении в Краков стал каноником, а с 1657 г. занимал аналогичный пост в Перемышле. Его перу принадлежит немало панегириков, в том числе и в честь Я. Вишневецкого. Уже одно то, что хронист избрал объектом восхваления этого палача украинского народа, свидетельствует о реакционности мировоззрения Темберского, разделявшего планы феодально-католических сил по отношению к Освободительной войне.

Основным трудом Темберского была латиноязычная хроника, состоявшая из двух частей. В первой части излагались события 1647—1656 гг., во второй — 1657—1672 гг. Первая часть была издана по списку из Курницкой библиотеки польским буржуазным ученым В. Чермаком⁸⁷, причем эта публикация сразу же была замечена научной общественностью⁸⁸. Фрагмент второй части, охватывающий события за 1657—1666 гг., до сих пор не обнаружен, а окончание этой части хранится в отделе рукописей Ягеллонской библиотеки.

Материалы для своего труда Темберский начал собирать еще в 40-е гг. XVII в., но окончательная редакция первой части памятника относится лишь к 1660 г. Длительная подготовительная работа не привела, однако, к созданию стройного и обработанного сочинения. Достаточно сказать, что рассказ об осаде Винницы в 1651 г. Темберский ухитрился поместить в трех различных местах хроники и каждый раз, основываясь

на ином источнике, сообщал разные версии происходивших событий.

Основными источниками хроники послужили многие письма, печатные и рукописные «летучие листки», дневники, свидетельства современников. Так, близкое знакомство Темберского, бывшего и королевским секретарем, с сандомирским каштеляном Ст. Витовским привело к появлению некоторых известий, связанных с воспоминаниями последнего. Были использованы известные послания М. Лубенского к турецкому визирю и ответ на него, письмо А. Киселя от 28.V 1651 г., письмо Яна Казимира к хану от 15.VIII 1649 г., условия Зборовского мира, пасквиль на Е. Оссолинского и ответ на него, две реляции о брестском сейме, панегирик, посвященный победе под Берестечко польско-шляхетских войск, дневник конвокации 1648 г., более подробный, нежели известный по иным спискам. Некоторые из этих материалов использовались авторами более известных хроник — С. Твардовским, В. Коховским, Я. Рудавским, С. Грондским⁸⁹. Довольно большое место в хронике отводится воспоминаниям самого автора, свидетельствам очевидцев. Это касается, например, изложения хода восстания Наперского. Последнего хронист называет Александром Косткой и отмечает следующее: «За год до этого (т. е. в 1650 г. — Ю. М.) он (Костка) был даже у Хмельницкого и, по всей вероятности, оказался посвященным в планы этого мастера на все руки. Костка подготовил бунт как раз в то время, когда король начал войну против татар и казаков, чтобы на весть об угрозе Кракову войско было разделено, к чему, собственно, и стремился так горячо Хмельницкий». Важные оригинальные известия приводятся хронистом и при описании предыстории Освободительной войны, при освещении хода Берестецкой и Жванецкой битв. Но в общем ценность воспоминаний хрониста невелика, так как в годы Освободительной войны он находился вдалеке от театра военных действий.

Таким образом, подтверждается вывод о том, что хроника С. Темберского представляет собой второстепенный источник по истории Освободительной войны.

Летопись Мехмеда Сеная

О жизни хаджи Мехмеда Сеная (конец XVI в. (?) — после 1651 г.), придворного историографа крымского хана Ислам-Гирея III (IV), известно немного. Титул «хаджи» свидетельствует о том, что летописец совершил паломничество в Мек-

ку, псевдоним «Сенай» («Восхваляющий») — о его религиозности и преклонении перед двумя мусульманскими поэтами, носящими аналогичное имя. В молодости Мехмед Сенай учился в Стамбуле, получил отличное знание турецкого и персидского языков, каллиграфии. По возвращении в Крым будущий летописец стал секретарем ханской канцелярии в Бахчисарае, затем — кади (судьей) в одном из второстепенных округов. После ухода с этой должности Сенай был назначен через некоторое время придворным историографом хана Ислам-Гирея III. Зимой 1648/49 г. он находился в Ак-Мечети и был свидетелем торжеств по случаю возвращения орды из удачного похода, когда она, помогая казацко-крестьянским войскам Б. Хмельницкого, дошла до Львова и Замостья. 1 августа 1651 г. Мехмед Сенай завершил свой труд и назвал его «История хана Ислам-Гирея III».

Памятник был написан по образцу летописей предшествующих времен, таких как: «История хана Сахиб-Гирея», (вт. пол. XVI в.), созданная турком Бедреддином Мехмедом Нидаи-эфенди (Реммал-ходжой); «История крымских ханов старых времен», доведенная до 20-гг. XVII в., которую создал также турок Абдаллах Челеби, сын Ризван-паши; анонимная «Летопись Токту-бея» (начало XVII в.), которую по приказанию хана читал потомок Токту-бея — Адиль Чобан⁹⁰. «История» хранится в Британском музее. Еще до второй мировой войны памятник привлек к себе внимание известного польского ученого Ольгерда Гурки, а в 1971 г. летопись была опубликована в переводе на польский язык в сопровождении обстоятельного комментария⁹¹.

Основными источниками «Истории» Сенай явились официальные материалы: документы и записи ханской канцелярии, «дивана» (совета), в том числе и татарский вариант условий Зборовского мира; три официальных дневника походов Ислам-Гирея III и султан-галги Крым-Гирея против Речи Посполитой в 1648—1649 гг. Эти дневники велись секретарями хана и султан-галги, сопровождавшими своих высокопоставленных патронов и в походах. Были, вероятно, использованы свидетельства самого хана, его ближайшего окружения, рассказы очевидцев, иногда облакавшиеся в форму исторических песен.

Будучи придворным историографом, Сенай дал весьма своеобразное освещение Освободительной войны (по сравнению с польско-шляхетской историографией). Он выступает как мусульманский провиденциалист, ставящий успех в сражениях

в прямую зависимость от воли аллаха. Сенай ничего не говорит о причинах, характере, движущих силах Освободительной войны. События 1648—1649 гг. рассматривались им прежде всего как победоносная война Крымского ханства против Речи Посполитой. Естественно, что при столь тенденциозном подходе Сеная к Освободительной войне участию в ней народных масс Украины отводилось второстепенное место, значительно извращена была суть происходящих событий. Так, Сенай пытался даже представить повстанцев как вассалов Крымского ханства. Он постоянно преувеличивал успехи ордынцев, иногда даже говорил о боях, которые в действительности никогда не происходили. Последнее относится к рассказу о действиях ханских войск до встречи Ислам-Гирея с силами Тугай-бея и казацко-крестьянским войском Б. Хмельницкого под Белой Церковью 1.VI 1648 г. Крымский историограф постоянно восхвалял Ислам-Гирея III и его военачальников. Так, о Тугай-бее он отозвался как о «храбром льве»⁹². В то же время все соседи ордынцев пренебрежительно трактовались как «гяуры», а польско-шляхетские солдаты именовались летописцем даже «шайтанами, псами-преступниками». Правда, для военачальников Речи Посполитой находились более уважительные характеристики. Например, Н. Потоцкий определялся как «славный и заносчивый», Е. Оссолинский—как «проклятый канцлер.., опытный и пронизательный, мощный в слове и деле, опытный в делах мира и (государственного) порядка, славный и знаменитый гяур своей страны»⁹³. Примерно таким же было отношение летописца к повстанцам. Так, Б. Хмельницкого он называет «гяуром» и «цербером», хотя чаще отзывается о нем позитивно: «бесстрашный вождь днепровского казачества, лев, украшенный добрым именем, доблестный муж.., умный человек и неустрашимый герой»⁹⁴.

В летописи Сеная подробно описывались два похода крымцев во главе с ханом (11.V—4.VII 1648 г.; 26.V—24.IX 1649 г.) и один поход во главе с султан-галгой (28.VIII 1648 — конец января 1649 г.). Весьма точно указывался маршрут продвижения войск Крымского ханства, приводились хронология событий и сведения о захваченной ордынцами добыче и ясыре. По сути летопись представляет собой единственный источник, в котором действия Крымского ханства, активнейшего участника событий Освободительной войны, получали обобщенное освещение. Здесь нашли отражение основные битвы 1648—1649 гг. и ряд локальных боев (у Березны, Бара, Умани, Животова и др.). Правда, отражение этих событий в памятнике

не всегда равноценно. Так, о Желтоводской битве говорится бегло, допускается немало неточностей. В то же время при описании других событий Сенай сообщает ряд важных фактов, касающихся описания Корсунской битвы, которую крымский летописец представил как катастрофу для польско-шляхетских войск, хода осады Збаража⁹⁵. Сенай упоминает, в частности, о волнениях среди осажденных войск карателей (начало августа 1649 г.), причем ссылается на известие, принесенное двумя польскими шляхтичами-перебежчиками, о казни татарами перехваченных гонцов из осажденного Збаража. Один из них был переодет нищим, а в письме, которое он нес к королю, содержалось требование помощи («Ратунку! Ратунку!»)⁹⁶. В летописи указывалась сумма выкупа, данного львовянами за снятие осады — 200 тыс. злотых⁹⁷ (хотя правильнее было бы считать в дукатах). Помимо воли Сеная его труд свидетельствует о тяжести вынужденного союза повстанцев с Крымским ханством. Похваляясь богатой добычей, захваченной на землях Правобережной и Западной Украины, летописец писал: «...даже наибеднейший татарин за просто становился владельцем 30 или 40 душ ясыря, а добычи было сверх всякой меры. Поэтому оставляли себе из девушек лишь красивых, словно гурии, а из парней — лишь подобных пажам... Не было ни единого татарина, который бы не убивал ежедневно по 10—15 невольников»⁹⁸. Несмотря на преувеличения, Сенай все же довольно точно указал на масштабы опустошения украинских земель. В другом месте летописи он отмечал, что ордынцы на Украине все «жгли, разбивали, разрушали и опустошали»⁹⁹. Тем не менее столь тяжелый союз продолжал существовать на протяжении нескольких лет. Для повстанцев он был вынужденным, так как до тех пор пока Россия не могла вступить в войну против Речи Посполитой, они должны были избегать войны на два фронта.

Наибольшую ценность в летописи Сеная представляет описание Зборовской битвы и заключения Зборовского мира¹⁰⁰. Здесь приводятся сведения, которые противостоят показаниям источников, созданных в стане карателей. Официальная точка зрения правительства феодальной Польши сводилась к тому, чтобы представить ее как выигранную карателями, а Зборовский мир — как проявление милости к подданным польского короля. Сенай же описывает данное сражение как небывалую резню коронных войск: «...столь безжалостной войны и резни не было со времен Адама»¹⁰¹. Далее он сообщает о реакции польско-шляхетского войска под Зборовым, узнавшего об условиях заключенного мира, о том, что после их прочтения

раздались крики: «Позор! Позор!». Летописец упоминает также и о статье польско-татарского соглашения, о которой умалчивают источники, созданные во враждебном Освободительной войне лагере, а именно: в случае нарушения Речью Посполитой мира по отношению к повстанцам Крымское ханство должно было начать войну против нее. Сеная процитировал при этом недвусмысленное заявление татарских представителей, которому, правда, в последующие годы Освободительной войны они в основном не следовали: «...до сих пор казаки были вашими подданными, теперь же они будут шляхтой, а вы (будете их) подданными»¹⁰². Следует подчеркнуть, что официального ханского историографа Сеная никак нельзя заподозрить в симпатиях к повстанцам. Тем более ценны его сведения, разоблачающие в ряде случаев измышления польско-шляхетской историографии XVII — XIX вв., которым охотно предоставлялось место в работах буржуазно-шовинистических историков типа Ф. Равиты-Гавронского и Т. Корзона, в писаниях эмигрантских буржуазных авторов.

Новый польский Флорус

Книга под этим названием («Новый польский Флорус. Правдивый и достоверный рассказ о кровавых войнах, которые ныне правящий польский король его величество Ян Казимир вел с начала своего правления до настоящего времени в различные годы против казаков, татар, русских, шведов, бранденбургского курфюрста, семиградцев...») была издана в 1666 г. в Нюрнберге (типография Михеля и Иоганна-Фридриха Эндтернов)¹⁰³. Автором данного сочинения традиционно считается Эразм Франциск (1627—1694) — немецкий историк. Только в отделе редкой книги ГБЛ СССР (Москва) хранится около 20 написанных им сочинений. Среди них наибольший интерес представляют несколько работ по истории Турции, в том числе о сражении под Веной 1683 г., описание земель Южной Америки и индейских племен. Почти все эти сочинения были опубликованы в Нюрнберге. При их написании Франциск использовал большое количество источников, в частности труды Плиния Старшего, Тита Ливия, Юстина, Иоанна Зонары, Олафа Магнуса, М. Меховского и др.

Особое место среди произведений Э. Франциска занимает «Новый польский Флорус», состоящий из четырех частей. В нем излагается история Речи Посполитой с 1648 по 1664 г., причем основное место отводится событиям истории Освободительной войны. Главные сюжеты повествования уже были подробно рассмотрены киевским исследователем Д. С. Нали-

вайко¹⁰⁴, который указал также на использование хронистом сочинений П. Пясецкого и И. Пастория. С. Н. Плохий установил, что «Война скифо-казацкая» последнего была основным источником труда Франциска¹⁰⁵. Соглашаясь с мнениями предшественников, мы хотели бы внести некоторые дополнения. Прежде всего ссылки Франциска на Пясецкого и, вероятно, на А. Целлария были заимствованы из труда Пастория. Кроме того, серьезное влияние на труд Франциска оказали 6—7-й тома «Театра Европы» — фундаментальной немецкой хроники, созданной И. Г. Шледером*. Из «Театра Европы» Франциск перенес обширные фрагменты текста, в которых рассказывалось о сражениях под Константиновым и Пилявцами¹⁰⁶, боях под Замостьем, Звягелем, Слуцком, Пинском, Бобруйском в 1648 г.¹⁰⁷, о поражении войск И. Голоты, а затем и М. Кричевского в Белоруссии в 1649 г.¹⁰⁸, заключении Белоцерковского мирного договора и смерти Н. Потоцкого в 1651 г.¹⁰⁹ Без малейших изменений Франциск перенес из «Театра Европы» тексты четырех документов Б. Хмельницкого¹¹⁰. В ряде случаев информация из «Театра Европы» дополняла свидетельства труда Т. Пастория (при описании заключения Зборовского мира, сражения под Берестечко, возвращении посла Бартлинского в Варшаву из Москвы и др.)¹¹¹. Поскольку «Война скифо-казацкая» завершается известием о Белоцерковском мире 1651 г., единственным источником Франциска при описании событий Освободительной войны в последующие годы становится «Театр Европы». Именно отсюда перешли в «Новый польский Флорус» описания Батожской и Жванецкой битв, обороны Сучавы, воссоединения Украины с Россией, да и многих событий более позднего времени. При этом было полностью сохранено враждебное отношение И. Г. Шледера к Освободительной войне, воссоединению братских народов, восхваление немецких наемников и т. д.¹¹² Правда, Франциск, как правило, сокращал показания «Театра Европы», совершал перестановки и амплификации. Некоторые из них являются довольно удачными с литературной точки зрения. Так, говоря о резонансе, вызванном Пилявецкой битвой, хронист добавляет, что белорусы, узнав о победе повстанцев, «сбросили оковы с рук и потянулись к саблям»¹¹³. Говоря о затишье в боях зимой 1648/49 г., немецкий автор добавил: «...казаки притихли зимой, словно пчелы и шмели, чтобы возобновить свои дела весной. Они только

---

* Некоторые исследователи полагают, что И. Г. Шледер — нереальное лицо, а псевдоним коллектива историков.

того и ждали, когда наступит весна и вырастет трава; опять призвали к себе на помощь татарские орды и, соединившись с ними, устремились на польские войска невообразимой массой...»¹¹⁴

Таким образом, Э. Франциск в «Новом польском Флорусе» не сообщает никаких оригинальных сведений по истории Освободительной войны, поскольку описывает ее ход, опираясь исключительно на труды И. Пастория и И. Г. Шледера.

Краткий анонимный летописец

Данный памятник, освещающий события 1647—1656 гг., впервые был введен в научный оборот известным дореволюционным историком О. И. Левицким¹¹⁵. Публикация была осуществлена им без перевода с польского языка по списку, созданному в конце XVII — начале XVIII в. и хранившемуся в тульчинском архиве графов Потоцких. Другой список находился в погибшей в годы немецко-фашистской оккупации Польши библиотеке ординации Красинских¹¹⁶. В 1941 г. в переводе на украинский язык были опубликованы фрагменты памятника, освещавшие начальный период Освободительной войны, взятые из издания О. И. Левицкого¹¹⁷.

Неизвестный автор памятника был, по всей вероятности, польским шляхтичем, профессиональным военным, принимавшим участие в походе против ордынцев в 1647 г., в карательных экспедициях Речи Посполитой на Украине в 1648—1654 гг. Повышенное внимание неизвестного автора к деятельности Кондрацкого — одного из руководителей карательных войск, подавлявших восстания народных масс в Подолии, — позволяет предположить, что хронист служил под его началом. Повествование ведется в лаконичной форме, автор сухо и беспристрастно рассказывает о ходе и итогах основных сражений Освободительной войны. Хотя враждебность автора к антифеодальным и освободительным движениям народных масс не вызывает сомнений, о чем, например, свидетельствует отзыв о М. Кривоносе как о «тиране», но все же он не склонен увлекаться выпадами против повстанцев и воспеванием побед польско-шляхетских войск.

Основные сражения Освободительной войны гораздо полнее были освещены в иных источниках, но благодаря использованию автором собственных воспоминаний и свидетельств очевидцев, включая показания пленных, летопись донесла до нашего времени ряд важных оригинальных сообщений. Это касается главным образом событий начального периода Освободительной войны. В частности здесь говорится о заклю-

чении союза между Б. Хмельницким и Ислам-Гиреем III, об оставлении Тимоша Хмельницкого в Бахчисарае в качестве заложника, о подвиге Самийла Зарудного, который завел отступавшее польско-шляхетское войско в ловушку под Корсунем¹¹⁸. Краткая летопись является также единственным источником, в котором говорится о татарском происхождении Ф. Джеджалия и польском — И. Федоренка, хотя эти данные нуждаются в проверке. Весьма важны сведения о боях под Константиновым в 1648 г., о разгроме повстанцами польско-шляхетских войск под Винницей в 1651 г., о том, что в ходе сражения под Берестечко Ян Собеский (будущий польский король) был ранен кистенем в лоб, и др.¹¹⁹ Именно эти оригинальные сообщения и составляют главную ценность краткой анонимной летописи как исторического источника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем учебном пособии был рассмотрен ряд произведений иностранных публицистов, мемуаристов и хронистов, в которых нашла освещение история Освободительной войны. Выясняется, что большинство памятников создавалось представителями правящего класса Речи Посполитой, принимавших зачастую непосредственное участие в карательных экспедициях против восставшего украинского народа. Естественно, что классовые позиции авторов данных источников, их деятельность, направленная на подавление антифеодальной и освободительной борьбы народных масс, предопределили и ее реакционные оценки. На это не влияли существенно расхождения в среде феодалов Речи Посполитой в методах ликвидации Освободительной войны, хотя их и следует учитывать.

Сложнее оценить памятники, созданные немецкими, французскими, итальянскими авторами. Последние также принадлежали к классу феодалов, чаще всего были католиками и поэтому в большинстве своем не критически воспринимали информацию, исходящую от официальных кругов Речи Посполитой или же от рядовых шляхтичей — участников карательных операций на Украине. Вместе с тем они не утрачивали, как феодалы Речи Посполитой, своих «маетностей» на Украине, часто негативно оценивали государственные порядки, установленные магнатами и шляхтой, и потому не были настроены столь враждебно к Освободительной войне. Более того, иногда они видели в повстанцах желанного союзника в борьбе против турецко-татарской агрессии, а изредка — и против самой Польши. Некоторые иностранные авторы из

Германии, Италии, Франции и другие были свидетелями событий Освободительной войны и даже находились в лагере повстанцев, могли использовать не только враждебные повстанцам источники. Именно поэтому их сочинениям в целом свойственна большая объективность, чем памятникам польской публицистики, мемуаристики и историографии. Не случайно в сочинениях А. Вимины, Ф. П. Далерака и других имеется немало сочувственных отзывов о повстанцах, хотя, конечно, ни один из рассмотренных здесь памятников не может идти ни в какое сравнение со знаменитым дневником Павла Алеппского. Справедливости ради отметим, что в сочинениях даже самых реакционных авторов содержится немало откровенных высказываний, которые проливают свет на истинное положение дел.

Основное значение записок иностранцев как источника по истории Освободительной войны заключается в большом количестве содержащихся в них оригинальных, а иногда и уникальных сведений. Они основываются чаще всего на не дошедших до нашего времени документальных и нарративных источниках, свидетельствах современников и самих авторов памятников. Свидетельства записок иностранцев существенно дополняют показания источников, отразивших тенденции повстанческого лагеря. Необходимо указать и на взаимосвязь между записками иностранцев с отечественными летописями, мемуарами и другими категориями источников. Без внимательного анализа данной взаимосвязи невозможно со всей полнотой решить вопрос о достоверности и репрезентативности источников по данной проблеме. Наконец записки иностранцев важны тем, что формировали представления общественности зарубежных стран об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединении Украины с Россией.

Таким образом, записки иностранцев, несмотря на то, что большинство из них было создано во враждебном повстанцам лагере, занимают важное место в системе источников по истории Освободительной войны. Критическое использование записок иностранцев, как и других категорий источников, будет способствовать успешному разрешению проблем истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг..

Список использованной литературы и источников

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Ленин В. И. Украина. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.
- ² Щербицкий В. В. Могучая сила вековой дружбы, монолитно-го единства народов-братьев. — В кн.: Навеки вместе. К.: Политиздат Украины, 1979, с. 35.
- ³ Ленин В. И. Социализм и война. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. О польском вопросе. — Соч., т. 4, с. 493.
- ⁵ Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.
- ⁶ См.: Мыцык Ю. А. Записки иностранцев как источник по истории Украины (вторая половина XVI — середина XVII в.). — Днепропетровск: ДГУ, 1981. См. также: Б о л а н Г. Л. Опис України. — Жовтень, 1981, № 4, с. 54—94; Б о р я к Г. Гійом де Боплан. «Це стародавнє місто розмістилося на плато...». — Київ, 1985, № 1, с. 148—165; І с а е в и ч Я. Д. Боплан і його опис України. — Жовтень, 1981, № 4, с. 53—54; К а ч і й Ю. Ю. Нововиявлений прижиттєвий портрет Богдана Хмельницького — АУ, 1981, № 3, с. 31—32; К о в а л ь с ь к и й Н. П. Источниковедение истории Украины (XVI — первая половина XVII века). — Днепропетровск: ДГУ, 1977—1979, ч. 1—4; О н ж е. Источниковедение социально-экономической истории Украины XVI—XVII вв. — Днепропетровск: ДГУ, 1983; К у ш е в и ч С. Листи зі Львова. — Жовтень, 1980, № 1—3; М а й с к е К. Отражение Соборного Уложения 1649 г. в немецкой исторической литературе XVIII и XIX вв. — ВМУ, 1980, № 1, с. 45—56; П о л о т н ю к Я. С. Персомовний географічний трактат Х століття про східних слов'ян. — У зб.: З історії міжслов'янських зв'язків. К.: Наук. думка, 1983, с. 12—22; Х о м и ш и н М. Я. Питання етногенезу слов'ян і міжслов'янських зв'язків у львівських хроніках. — Там же, с. 68—73; П о с с е в и н о А. Исторические сочинения о России XVI в. — М.: Изд-во МГУ, 1984; Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета (Сост. Ю. А. Лимонов. — М.: Наука, 1982; С а в е л ь е в а Е. Олаус Магнус и его «История северных народов». — Л.: Наука, 1983; Ч и ч у р о в И. С. Византийские исторические сочинения. — М.: Наука, 1980; М а л ь д з і с А. Беларусь у люстерку мемуарної літаратури XVIII стагоддзя. — Мінск, 1982; См.: Древнейшие государства на территории СССР. — М.: Наука, 1977—1984, вып. 1—7.
- ⁷ См. наши статьи и публикации, изданные на страницах сборника «Вопросы германской истории» (Днепропетровск: ДГУ, 1978—1984). См. также: Мыцык Ю. А. Записки...
- ⁸ См.: Кучернюк М. Ф. Джерела про російсько-українські політичні зв'язки в роки визвольної війни українського народу (1648—1654). — К.: Вища школа, 1980, с. 161—172; О н ж е. Записки иностранцев как источник по истории русско-украинских политических связей в годы освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов. — В сб.: Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск: ДГУ, 1976, вып. 3, с. 38—43; Н а л и в а й к о Д. С. Західноєвропейські історико-літературні джерела про Визвольну війну українського народу 1648—1654 рр. — УІЖ, 1969, № 8—12; 1970, № 1; П а щ е н к о С. Юрій Крижанич і Україна. — Всесвіт, 1983, № 9, с. 135—139; П л о х и й С. Н. Латиноязычные сочинения середины XVII века как источник по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. — Дис. ...канд. ист. наук. Днепропетровск: ДГУ, 1982 (машинопись); О н ж е. Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг.

в латиноязычной историографии середины XVII века. — Днепропетровск: ДГУ, 1983; Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич. — М.: Наука, 1984; Симонов В. И. Коллекция немецких газет XVII в. в ЦГАДА. — Советские архивы, 1984, № 3, с. 55—59; Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. — М.: Наука, 1980; 1648—1650 гг. — М.: Наука, 1983.

⁹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М.: Наука, 1975, с. 225.

Глава I

¹ См.: Makowski M. Opinia polska wobec kwestii kozackiej w latach 1648—1654. — Warszawa, 1978 (машинопись).

² См.: Франко І. Хмельниччина 1648—1649 років у сучасних віршах. — ЗНТШ. Львів, 1898, т. 23—24, кн. 3—4, с. 1—114. В сокращенном виде эта работа была перепечатана в издании: Франко І. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. — К.: Наук. думка, 1981, с. 188—253; Возняк М. Битва під Загалем у сучасній польській пісні. — ЗНТШ. Львів, 1927, т. 147, с. 161—165.

³ См.: Nowak Z. Zapomniane wiersze o wojnie polsko-kozackiej. — Libri gedanenses. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1976, t. 5, s. 211—257.

⁴ Там же, с. 222—224, 237—239.

⁵ ГПБ. «Россика», 13. 4. 2. 54; БН. ОМ, № 35115 — Люблин, 1649, 4° («Fawor niebieski...»).

⁶ Новак З. Указ. соч., с. 224—226, 241—242.

⁷ ЛБАН. ОСИ, № 31337 II. Краков, 1649, типография Петра Элерта. Cieciszewski W. Expeditia Zborowska. (Второй экземпляр данного издания хранится в Ягеллонской библиотеке — ОСИ, № 27765 I.).

⁸ ЛБАН. ОСИ, № 31337 II, с. 15.

⁹ БЯ. ОР. № 108, л. 245; № 5993, л. 337.

¹⁰ ГПБ. «Россика», 13. 9. 2. 550. — Краков, 1649, типография Фр. Цезари. «Pochodnia...».

¹¹ Ч., ОР, № 1657, с. 143.

¹² БЯ. ОСИ, № 9064 III. — Краков, 1648, 4°. Piotrkowczyk. Acta interregni.

¹³ БН. ОМ, № 31 931; Ч. ОСИ, № 12223. Рим, 1649, 4°, типография Лодовико Гриньяни.

¹⁴ ГПБ. «Россика», 13. 9. 2. 859; 13. 9. 2. 348;

¹⁵ БЯ. ОР, № 7777, л. 479—483.

¹⁶ ГПБ. «Россика», 13. 18. 7. 81. Bytomski J. Obsidio Zamosciana.

¹⁷ Ч. ОСИ, № 11561 I. — Варшава, 1654, 4°. Типография П. Элерта. «Relatio».

¹⁸ Ч. ОСИ, № 10408 II. «Vera...».

¹⁹ Там же, № 6605 I. «Relatione...».

²⁰ БН. ОМ, № 37588. «Relatione...».

²¹ ГПБ. «Россика», 13. 9. 2. 833. «Piesn...».

²² БН. ОМ, № 47393. «Widzenie nowe...».

²³ Там же, № 37625. «Wyprawa...».

²⁴ ГПБ. «Россика», 13. 4. 2. 240. «Mnemosinop...».

Рукописные копии брошюры обнаружены нами в Ч., ОР, № БЯ. ОР, № 93, с. 40—42.

²⁵ См.: Осс., ОР, № 210 II, с. 48—55.

²⁶ См.: Ч., ОР, № 1947, с. 86.

²⁷ См.: Ч. ОР, № 1657, с. 325—327. Другой список, содержащий некоторые разночтения, хранится там же под № 379, с. 179—181; 144,

с. 805—812; Библиотека Вроцлавского университета. ОР, Акс. 1949/440, л. 363 об. — 365.

²⁸ См., например: ДБХ, № 1—2, 4—5. Отметим, что во время переговоров под Белой Церковью в 1651 г. один из дипломатов Б. Хмельницкого Роман Катиржный, касаясь причин Освободительной войны, указал на запрет польским правительством казакам совершать походы против Османской империи и Крымского ханства (ПАН. ОР, 2253, л. 91 об.).

²⁹ См. публикацию трактата: Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. — Вильна, 1865, № 5; *Z dziejów Ukrainy*. — Kraków, 1912, s. 92—96.

³⁰ Ч. ОР, № 1657, с. 333—334; БВУ. ОР, Акс. 1949/439, с. 111—113.

³¹ Ч. ОР, № 1657, с. 334. Над словом «Зборовом» сверху дописано: «под Ахматовом». Здесь имеется в виду так называемое Дрожипольское сражение в феврале 1655 г., когда русско-украинские войска нанесли поражение объединенным силам Речи Посполитой и Крымского ханства.

³² Ч. ОР, № 1657, с. 327—328.

³³ Там же, с. 323—324. Данный трактат публиковался в зарубежной печати.

³⁴ В трактате приводится отрывок из этого письма, которое близко по содержанию к иному посланию Вишневецкого, созданному в конце августа — начале сентября 1648 г. — ПКК, т. I, № 49.

³⁵ АГАД, АР, отдел II, кн. 12, с. 712.

³⁶ ВГА. АС, № 306, л. I об. — 5.

³⁷ Щурат В. З неznаної польської рукописи XVII в. — ЗНТШ. Львів, 1906, т. 74, с. 129—141.

³⁸ ВГА. АС, № 306, л. 5. Здесь, возможно, содержится выпад и против чигиринского протопопа, которым тогда являлся Пешта, видимо, родственник Богдана Пешты, чигиринского хорунжего. Об этом свидетельствует завещание чигиринского обозного¹ Волевача, подписанное Б. Хмельницким 12 (2). XI 1650 г. — ЦГИА УССР, ф. 221, оп. 1, № 183.

Глава II

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — К., 1896, вып. 1, с. 406—448.

² *Pamiętniki Maskiewiczow*. — Wrocław, 1961.

³ Там же, с. 239—242, 246—254, 258—259, 261—269.

⁴ Там же, с. 241.

⁵ Ч. ОР, № 379, с. 108.

⁶ *Radziwiłł B. Autobiografia*. — Warszawa, 1979.

⁷ Там же, с. 131—133, 171.

⁸ *Pamiętniki Mikołaja Jemiołowskiego*. — Lwów, 1850.

⁹ Там же, с. 20, 109, 118, 3, 10.

¹⁰ Там же, с. 19.

¹¹ ВГА. СР, № 41, л. 87.

¹² *Pamiętniki...*, с. 179—180, 29, 18; с. 9.

¹³ Там же, с. 17, 37, 40, 44.

¹⁴ Там же, с. 2—3.

¹⁵ Там же, с. 26.

¹⁶ Там же, с. 11, 141, 48—63, 109, 156.

¹⁷ *Wierzbowski St. Konnotata*. — Lipsk, 1858.

¹⁸ Там же, с. 84.

¹⁹ Там же, с. 87, 89.

²⁰ ДБХ, № 102, с. 172.

²¹ Молчановский Н. Донесение венецианца Альберто Вимина

о казаках. — КС, 1900, январь, с. 62—75; Історія України в документах і матеріалах. — К.: Вид-во АН УРСР, 1941, т. III, № 150, с. 193—196.

²² Історія..., № 147, с. 188—189.

²³ ЦГАДА, ф. 12, оп. 1, № 2 (дополнение).

²⁴ См.: Мыцк Ю. А. Записки..., с. 30—33; Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. — М., 1897, вып. 2.

²⁵ Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. — М.: Наука, 1970, с. 216, 263, 268—274; Історія війни козаків проти Польщі. — К.: Вид-во АН УРСР, 1960.

²⁶ См.: П л о х и й С. Н. К вопросу об источниковом основании сочинения П. Шевалье по Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. — В сб.: Анализ публикаций источников по отечественной истории. Днепропетровск: ДГУ, 1978, с. 48—57.

²⁷ ГБЛ. ОРК, № IV франц.—8°. Париж, 1698, типография Клода Бальбина. Это сочинение дважды было переиздано в Амстердаме (в 1700 и 1722 гг.). Имеются сведения об издании немецкого перевода сочинения Далерака в 1698 г. В 1883 г. был опубликован перевод памятника на польский язык, предпринятый А. Краусхаром и В. Марковским: *Pamiętniki do czasow Jana III st. 1. Pamiętniki kawalera de Beaujeu.* — Kraków, 1883. Отрывки из воспоминаний Далерака издавались и в наши дни Я. Гинтелем: *Sudzoziemcy o Polsce. Relacje i opinie.* — Kraków, 1971, t. 1, s. 335 — 347.

²⁸ *Pamiętniki...*, s. 45—46.

²⁹ Недавно фрагменты дневника Вердума были опубликованы в переводе на украинский язык И. И. Сварником. (См.: У л ь р і х ф о н В е р д у м. Щоденник. — Жовтень, 1983, № 9, с. 84—89; № 10, с. 89—105). Отметим, что в данном памятнике содержатся сведения, относящиеся к истории Зборовской и Батожской битв, боев под Купчинцами, Дубном и Львовом. Особенно важной представляется характеристика тяжелого социального гнета, установленного на Украине феодалами Речи Посполитой и еврейскими арендаторами, например: «...польские пань обращаются со своими подданными хуже, чем с невольниками или псами».

³⁰ *Pamiętniki...*, s. 49.

³¹ Там же, с. 200—201.

³² Там же, с. 202.

³³ *Budzińska E. Jana Henryka Müntza podróże malownicze po Polsce i Ukrainie (1781—1783).* — Warszawa, 1982, N 61, 144.

³⁴ Крип'якевич І. П. Забуті види України XVII XVIII ст. — Українська книга. Львів, 1937, с. 18; Ковальський Н. П., Мыцк Ю. А. «Суапаеа» — немецкое сочинение конца XVII в. и его сведения по истории славян. — В сб.: Вопросы германской истории и историографии. Днепропетровск: ДГУ, 1975, вып. 3, с. 137—146.

³⁵ ЦГИА УССР, ф. 221, оп. 1, № 165. В пояснениях к рисункам и планам говорится и о походе войск Б. Хмельницкого на Молдавию в 1650 г. и о Крестыанской войне под предводительством С. Т. Разина.

³⁶ Географическое описание Килии, Белгорода, Тягини, Очакова и др. содержится в анонимном произведении начала XVIII в., хранящемся в ЛБАН. ОСИ, Ст. 62938 I (*Der Staat von Türkei*). Здесь же упоминается и о Роксолане (с. 71). См. также: *Der Staat von Pohlen* (ст. 10445 I). *Der Staat von kleinen und grossen Tartarej* (ст. 62749 I).

³⁷ Эвлия Челеби. Книга путешествия. В 3-х вып. — М.: Наука, 1961; 1979; 1983. *Księga podróży Ewlii Czelebiego.* — Warszawa, 1979;

Evlija Celebi. Putopis. — Sarajevo, 1979.

³⁸ ЦГАДА, ф. 13, оп. 1, № 17, л. 13.

³⁹ Там же, ф. 13, оп. 1, № 18.

⁴⁰ ГПБ. «Росси́ка», 13. 4. 2. 342; 13. 9. 2. 339. Об Освободительной войне содержится краткое упоминание и в диссертации о Степане Разине, защищенной 29.VII 1674 г. в Тюрингии И. Ю. Марцием (Иностранные известия о восстании Степана Разина. — Л.: Наука, 1975, с. 63—64).

⁴¹ Записки Манштейна о России (1727—1744). — Спб., 1875, с. 12—15.

Глава III

¹ Эта поэма была использована Н. С. Рашбой в публикации «Османская империя в первой четверти XVII века». — М.: Наука, 1984, с. 176 — 181.

² ГПБ. «Росси́ка», 13. 8. 3. 43; ЛБАН. ОСИ, 5157 IV. («Wojna domowa». — Kalisz, 1681).

³ Історія..., т. III, № III, с. 137—140.

⁴ Плохий С. Н. Латиноязычные..., с. 151—156; ГПБ. «Росси́ка», 13. 8. 43, ч. 1, с. 44; БЯ. ОР, № 90; Документы об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. — К.: Наук. думка, 1965, № 290; (далее — Документы...); Мыцык Ю. А. Немецкая печатная реляция 1649 г. об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. — В сб.: Вопросы германской истории. Историографические проблемы германской истории в новое и новейшее время. Днепропетровск: ДГУ, 1980, с. 141, 145.

⁵ Grzeszczuk St. W stronie Kochanowskiego. — Katowice, 1981, s. 334, 341—346.

⁶ ГПБ. «Росси́ка», 13. 8. 3. 43, ч. 1, с. 1, 64; ч. 2, с. 65 и др.

⁷ Там же, ч. 1, с. 42—44.

⁸ Там же, с. 40.

⁹ См.: Документы..., № III, 217.

¹⁰ ГПБ. «Росси́ка», 13. 8. 3. 43, ч. 1, с. 32—34.

¹¹ См.: Там же, ч. 2, с. 33.

¹² ЛБАН. ОР, 2098 II. Отрывок из нее, в котором рассказывается о восстании Наперского, был опубликован в кн.: Миллер И. С. О публикации источников по истории крестьянских движений в Польше. — КСИС. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. 13, с. 79—80.

¹³ Pamiętniki o wojnach kozackich. — Wrocław, 1842; Краткая история о бунтах Хмельницкого. — Чтения ОИДР. М., 1846, № 4.

¹⁴ Герасимчук В. Одна з компіляцій до часів Хмельниччини. — ЗНТШ. Львів, 1913, т. 115, с. 154—155.

¹⁵ ЦНБ АН УССР. ОР, № 14/370 С., № 81, с. 25; 811/674 С., № 55—55-а, л. 21 об. В отделе книговедения ЦНБ в настоящее время хранится два экземпляра «Гражданской войны» (№ ИН-197; ИН-198).

¹⁶ Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. — К., 1864, т. 4, с. 1—84.

¹⁷ Петрикевич В. Літопись Самійла Величка а «Wojna domowa» Самійла Твардовського. — Тернопіль, 1910, с. 6; Дзира Я. І. Самійло Величко та його літопис (до 300-річчя від дня народження літописця). — Історіографічні дослідження в Українській РСР. К.: Наук. думка, 1971, вип. 4, с. 198—223.

¹⁸ Czubek J. Wespazjan z Kochowa Kochowski. — Kraków, 1900, Kochowski W. Pisma wierszem i prozą. — Kraków, 1926; Kochowski W. Niepróżnujące próżnowanie. — Warszawa, 1978.

¹⁹ Перетц В. Українське питання в освітленню польського поета XVII віка. — ЗНТШ. Львів, 1906, т. 71, кн. III, с. 5—21.

²⁰ ЦНБ. ОК, ИН—199; ИН—226; ИН—227. *Annales poloniae ab obitu Vładisłai Quarti.*

²¹ *Rocznikow polski klimacter IV.* — Lipsk, 1853.

²² *Histria panowania Jana Kazimierza przez nieznanego autora.* — Poznan, 1840.

²³ *Pamiętniki do panowania Zygmunta III. Władysława IV i Jana Kazimierza.* — Warszawa, 1848.

²⁴ *Historja panowania Jana Kazimierza z klimacterów Wezpazjana Kowhowskiego.* — Poznan, 1859.

²⁵ *Історія...*, № 158, 182, с. 207—209, 239—240.

²⁶ *Kochowski W. Lata potopu 1655—1657.* — Warszawa, 1966.

²⁷ Максимович М. А. *Собрание сочинений.* — К., 1877, т. 1, с. 488.

²⁸ *Historja...*, 1840, т. 1, с. 7, 11, 58 и др.

²⁹ ПСРЛ. — М.: Наука, 1975, т. XXXII, с. 202.

³⁰ *Repertorium juris civilis et pontificii.* — Viehnae, 1660.

³¹ *Rudański W. J. Historia Polska.* — Petersburg; Mohilew, 1855, т. I.

³² Там же, с. 10, 28—29, 87—88, 195 и др. См.: ДБХ, № 1, 5, 65, 177.

³³ См., напр., послания И. Радзеевского к Б. Хмельницкому, а также И. Выговскому. — ПКК, т. 3, № 5, 6, с. 161—166.

³⁴ *Рудаевский Я. Указ. соч.*, с. 61, 235, 38, 16, 90.

³⁵ Там же, с. 240, 296—301, 192, 198.

³⁶ Там же, с. 191.

³⁷ Там же, с. 100.

³⁸ *Документы...*, № 217; ПАН. ОР, 2253, л. 82—93. Анонимная редакция дневника Мяскового была опубликована А. Грабовским: *Starożytności historyczne polskie.* — Kraków, 1840, т. 1, s. 275—314.

³⁹ *Рудаевский Я. Указ. соч.*, с. 2.

⁴⁰ *Michalowski J. Księga pamiętnicza.* — Kraków, 1864.
Medeksza St. Księga pamiętnicza. — Kraków, 1875.

⁴¹ *Рудаевский Я. Указ. соч.*, т. 1, с. 1—2.

⁴² Там же, с. 11, 83, 130, 136, 137, 167, 186—187.

⁴³ Там же, с. 217.

⁴⁴ Там же, с. 78.

⁴⁵ Там же, с. 169, 171, 198, 35, 40.

⁴⁶ Там же, с. 7—9, 10, 12, 38.

⁴⁷ Там же, с. 142.

⁴⁸ Там же, с. 233, 217.

⁴⁹ Там же, с. 36, 259.

⁵⁰ Там же, с. 13.

⁵¹ ПАН. ОР, № 1275.

⁵² Подробное об авторе и случаях записи им украинских песен и дум см.: Мицик Ю. А. *Під городом Корсунем...* — Жовтень, 1983, № 7, с. 100—102.

⁵³ ПАН. ОР, № 1275, л. 42 об.

⁵⁴ *Komaszyński M. Teresa Kunegunda Sobieska.* — Warszawa, 1982, s. 13; *Komaszyński M. Maria Kazimiera d'Arquin Sobieska, królowa Polski, 1641—1716.* — Kraków, 1983, s. 153, 218.

⁵⁵ ПАН. ОР, № 1275, л. 21; ВГА. СР, № 41, л. 235; № 31, л. 133, 237.

⁵⁶ ПАН. ОР, № 1275, л. 32, 11, 14 об.

⁵⁷ Там же, л. 10—11 об., 1—3, 44, 50 об.

⁵⁸ Там же, л. 39—39 об., 43 об. — 44.

- ⁵⁹ ПАН. ОР, № 1275, л. 50—50 об.
- ⁶⁰ Там же, л. 50 об. ДИМ. ОР, № Арх. 19869 /КП. — 84430/ письмо А. К. Саксаганского к Д. И. Яворницкому от 1. III 1926 г.
- ⁶¹ ПАН. ОР, № 1275, л. 49.
- ⁶² Там же, л. 141.
- ⁶³ Там же, л. 29.
- ⁶⁴ Там же, л. 25.
- ⁶⁵ Там же, л. 78, 19, 26—32.
- ⁶⁶ Там же, л. 49 об. — 50.
- ⁶⁷ Осс., ОР, 188 II.
- ⁶⁸ Там же, 187, II, 189 II.
- ⁶⁹ Документы..., № 193, 196, 224, 230; Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький. — К.: Вид-во АН УРСР, 1954, с. 117—118.
- ⁷⁰ БЯ. ОР, № 5479.
- ⁷¹ ЛБАН. ОР, № 113 II.
- ⁷² БЯ. ОР, № 5479, л. 3 об.
- ⁷³ См.: ЛБАН. ОР, № 113 II, с. 607.
- ⁷⁴ ЛБАН. ОР, № 113 II, с. 607.
- ⁷⁵ ЛБАН. ОР, № 113 II, с. 609, 831.
- ⁷⁶ Осс., ОР, № 188 II, л. 447 об. — 455 об. Здесь приводятся также сведения о происхождении казачества (л. 214—215), известный ответ Б. Хмельницкого Ст. Конецпольскому относительно судьбы Кодака (л. 455)
- ⁷⁷ Там же, л. 517—519.
- ⁷⁸ См.: Осс., ОР, № 187 II, л. 185. Имеются в виду данные о начале Освободительной войны и битве под Корсунем.
- ⁷⁹ Хоткевич Г. З приводу однієї частини «Денника» Освенціма. — ЗНТШ. Львів, 1930, т. 150, с. 177—204. Здесь цитируется обширный фрагмент одной из компиляций М. Голинского (Осс., ОР, № 189 II), в котором повествуется о битве под Берестечко.
- ⁸⁰ См.: Скоць А. І. До генези казки Богдана Хмельницького в поемі І. Франка «На Святоюрській горі». — Українське літературознавство. Львів, 1980, с. 34—44.
- ⁸¹ Kubala L. Wojna brandenburska. — Lwów, 1917, s. 128.
- ⁸² ЦНБ. ОК, № Р. 1206; Р. 1374. Мы использовали более позднее издание Кароля Коппи: Grondski S. Historia belli cosacico-polonici.—Pestini, 1789.
- ⁸³ Плохий С. Н. Латиноязычные..., с. 174—181.
- ⁸⁴ Грондский С. Указ. соч., с. 3—35.
- ⁸⁵ Там же, с. 81—84.
- ⁸⁶ Там же, с. 204.
- ⁸⁷ См.: Temberski St. Roczniki. Scriptorum rerum polonicarum. — Kraków, 1897, t. XVI.
- ⁸⁸ См.: КН, 1897, кн. с. 937—946. Рец. Т. Корзон; КС, 1899, май, с. 91 (рецензия подписана инициалами: А. С.); Рудницький С. Нове джерело до історії Хмельниччини. — ЗНТШ. Львів, 1898, т. 3—4, с. 1—22.
- ⁸⁹ См., напр.: Михаловский Е. Указ. соч., № 69, 78—83, 120, 210, 211.
- ⁹⁰ Свидетелем чтения летописи Токту-бея был Эвлия Челеби.
- ⁹¹ Nadży Mechmed Senai z Krumu. Historia chana Islam Gereja III. — Warszawa, 1971. Текст перевел на польский язык З. Абрахамович. комментарии были составлены О. Гуркой и З. Вуйцком.
- ⁹² Там же, с. 101.

⁹³ Hadzy Mechmed Senai Krymu. Historia chana Islam Lerija III. — Warszawa, 1971, s. 105, 129; Там же, s. 104, 124, 101. См. также s. 115, 119.

⁹⁴ Там же, с. 105, 129.

⁹⁵ Там же, с. 105—107, 120—125.

⁹⁶ Там же, с. 123.

⁹⁷ См.: Там же, с. 122.

⁹⁸ Там же, с. 116. Завершая описание Корсунской битвы, Сенай также отмечал сказочное обогащение ордынцев, захвативших большую добычу: «Самые бедные из татарского племени, которые никогда в своей жизни не имели овчины, переоделись в собольи и рысьи меха. Те, которые лишь понаслышке знали о золоте и серебре, теперь не обращали внимания на золотые дукаты» (Там же, с. 106).

⁹⁹ Там же, с. 110.

¹⁰⁰ Там же, с. 126—132.

¹⁰¹ Там же, с. 128.

¹⁰² Там же, с. 130.

¹⁰³ Neue polnische Florus (далее — НПФ). — Nürnberg, 1666. Мы использовали экземпляр НПФ, хранящийся в ГПБ. «Россика», 13.8.6.1. Еще два экземпляра данного сочинения, хранятся в ОРК ГБЛ.

¹⁰⁴ См.: Наливайко Д. С. Західноєвропейські... — УІЖ, 1969, № 12, с. 131—132.

¹⁰⁵ Плохий С. Н. Латиноязычные..., с. 190.

¹⁰⁶ НПФ, с. 20—22, 25—27; «Theatrum Euroraem» (далее — ТЕ). — Франкфурт-на-Майне, 1663, т. 6, с. 372—373.

¹⁰⁷ НПФ, с. 28—37; ТЕ, т. 6, с. 374, 811—812.

¹⁰⁸ НПФ, с. 79—110; ТЕ, т. 6, с. 813—820.

¹⁰⁹ НПФ, с. 256—264; ТЕ, т. 7. — Франкфурт-на-Майне, 1685, с. 83.

¹¹⁰ Мыцык Ю. А. История Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в освещении немецкой хроники «Театр Европы». — В сб.: Вопросы германской истории. Русско-германские связи и отношения нового и новейшего времени. Днепропетровск: ДГУ, 1983, с. 147, 156.

¹¹¹ НПФ, с. 51, 54, 60, 68, 72; ТЕ, т. 6, с. 820—822; т. 7, с. 74—76.

¹¹² НПФ, с. 271—294, 297—322; ТЕ, т. 7, с. 233—232, 411—418, 612—622.

¹¹³ НПФ, с. 27.

¹¹⁴ НПФ, с. 37.

¹¹⁵ ПКК, т. I, отдел 3, № 1, с. 173—195.

¹¹⁶ P u l a s k i F. Opis 1815 rękopisow biblioteki ordynacji Krasieńskich. — Warszawa, 1915, t. 2, s. 622.

¹¹⁷ История..., т. III, № 95, 99.

¹¹⁸ ПКК, т. I, отдел 3, с. 173—177.

¹¹⁹ Там же, с. 173, 189, 178—179, 185.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14

Ø 1648, июнь. Письмо Александра Конецпольского, хорунжего коронного, к неизвестному с сообщением о разгроме польско-шляхетских

войск под Желтыми Водами и Корсунем и широком распространении восстания.

«О том, в каком печальном и, похоже, неоплаканном положении находится Речь Посполитая, мне невозможно пространно писать, (поэтому ограничусь) кратким изложением. На Запорожье был послан для разгрома Хмельницкого пан комиссар с частью войска и е. м. п. каштелянич Стефан (Потоцкий. — Ю. М.). Но несколько десятков тысяч татар соединились с Хмельником и осадили (наших) на Желтых Водах. Три недели продолжалась осада и (наши) были разгромлены. Пан Стефан в тюрьме, п. Сапега, п. Чарнецкий, поручик е. м. п. воеводы краковского (Николая Потоцкого. — Ю. М.) (также в плену), остальных вырубил поголовно, в том числе и моего хорунжего Ветана, который был послан туда с несколькими десятками драгун. Эта (новость) получена 19 мая. 26 мая тот же Хмельницкий, двинувшись с 8 тыс. (своего) войска и с 30 тыс. татар на их м. панов гетманов, разгромил их. Пан краковский был пленен и (теперь) сидит под стражей у казаков в Белой Церкви. Пан гетман польный (М. Калиновский. — Ю. М.) по полученным сведениям убит, но эти данные еще не подтверждены. П. Одживольский, п. Сенявский, п. Бегановский, п. Коморовский и множество других находятся в тюрьме, остальные порублены, но все же тысячи полторы или более того ушли (от смерти), которых я собираю своим универсалом под Глинянами. Сюда же стекаются к нам и все их милости. Прошу простить меня (в. м. п.) благодетель (мой), что коротко пишу, так как теперь у меня масса дел. Более того, боюсь, чтобы неприятель не двинулся на нас, так как Хмельницкий объявил, что и под Краков пойдет, чтобы расправиться с его м. хорунжим коронным. У нас (сейчас) наибольшая опасность, так как уже восстают против нас наши хлопы, вследствие чего, один Бог знает что произойдет с нашими краями. Писем к его м. п. Коссаковскому не посылаю, так как под Баром уже и человека (нашего) нет, все, что живо, бежит. Бар покинут, а это потому, что русь не хочет защищаться (от неприятеля). Все и вся плохое обрушилось на нас. Тем не менее если что-либо произойдет, не замедлю оповестить и т. д.

Енджей Конецпольский.»

(ПАН; (Краков). ОР, № 367, л. 325 об. — 326. Пер: с польск.).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Отрывок из хроники Я. Л. Рудавского, в котором содержится пересказ текста договора, заключенного между повстанцами и крымцами с одной стороны и представителями молдавского господаря В. Лупула — с другой (1650 г.).

«1. Молдавский господарь должен управлять Молдавией независимо (от кого-либо).

2. Сын Хмельницкого (Тимофей. — Ю. М.) станет зятем господаря.

3. Татары и казаки получают одновременно 60 тысяч талеров.

4. Молдаване не будут помогать полякам.

При этом присягли, чтобы были забыты обиды и ущерб, причиненные вследствие этого набега (на Молдавию), а также, чтобы им (казакам и татарам) не мстили с помощью Османской Порты».

(Rudawski W. J. Historia Polska. — Petersburg i Mohylew, 1855, t. 1, s. 117).

Список сокращений

Архіви України	АУ
Архив главный актов древних (Варшава)	АГАД
Библиотека Вроцлавского университета	БВУ
Библиотека Национальная (Варшава)	БН
Библиотека Ягеллонская (Краков)	БЯ
Вестник Московского университета	ВМУ
Воеводский государственный архив (Краков)	ВГА
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина	ГБЛ
Государственная публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	ГПБ
Днепропетровский исторический музей	ДИМ
Записки научного товариства ім. Т. Г. Шевченка	ЗНТШ
Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР	КСИС
Львовская библиотека АН УССР	ЛБАН
Музей Чарторыйских (Краков)	Ч.
Отдел рукописей	ОР
Отдел книговедения	ОК
Отдел микрофильмов	ОМ
Отдел старопечатных изданий	ОСИ
Библиотека Польской Академии наук (Краков)	ПАН
Памятники, изданные киевскою комиссією для разбора древ- актов, изд. 2-е, т. I. Киев, 1898.	ПКК
Полное собрание русских летописей	ПСРЛ
Фонды архивов:	
АГАД, ф. Архив Радзивиллов	АР
ВГА, ф. Собрание Пиноцци	СП
ВГА, ф. Архив Сангушко	АС
ВГА, ф. Собрание Русецких	СР
Український історичний журнал	УІЖ
Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва)	ЦГАДА
Центральный государственный исторический архив УССР (Киев)	ЦГИА УССР
Центральный государственный исторический архив УССР (Львов)	ЦГИАЛ УССР
Центральная научная библиотека АН УССР (Киев)	ЦНБ
Kwartalnik Historyczny	КН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
«Летучие листки» и литературно-публицистические произведения	6
Глава II	
Мемуары	
Мемуары Богуслава Маскевича	24
«Автобиография» Богуслава Радзивилла	26
Мемуары Миколая Емеловского	28
Мемуары Станислава Вежбовского	31
«Донесение о происхождении и обычаях казаков» Альберто Вимины	32
«История войны казаков против Польши» Пьера Шевалье	35
Сочинение Франсуа Поля Далерака и некоторые другие историко-географические произведения	36
Глава III	
Летописи и хроники	
«Гражданская война» Самуила из Скшипны Твардовского	41
Хроника Веспасиана Коховского	45
«Польская история» Яна Лаврентия Рудаковского	50
Рифмованная хроника	55
Компиляции Марцина Голинского	60
Хроника Самуила Грондского	61
Летопись Мехмеда Сеная	65
Новый польский Флорус	69
Краткий анонимный летописец	71
Заключение	72
Список использованной литературы	74
Приложение № 1. Письмо Александра Конецпольского...	81
Приложение № 2. Отрывок из хроники Я. Л. Рудаковского...	82
Список сокращений	83

Темплан 1985, поз. 6

Юрий Андреевич Мышк
ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ
УКРАИНСКОГО НАРОДА
 1648—1654 гг.

Редактор А. В. Шерстюк

Техредакторы: Н. В. Островская, Т. А. Хохлова

Корректор В. Д. Кандрунина

Сдано в набор 29.03.85. Подписано в печать 6.09.85. БТ 20450.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,88.
Уч.-изд. л. 5,28. Тираж 300 экз. Заказ № 451. Цена 75 к.

Редакционно-издательский отдел ДГУ, г. Днепропетровск, пр. Гагарина, 72
Типография ДГУ, г. Днепропетровск, ул. Генерала Пушкина, 4

